

18+

Хайм Калин

Затвори за собой поднебесье

Хаим Калин

Затвори за собой поднебесье

«Издательские решения»

Калин Х.

Затвори за собой поднебесье / Х. Калин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988615-6

Можно ли скрестить пронзительную love story, обрушившуюся на героев, с перипетиями крутого детектива, давно обосновавшегося в формате бондианы? Смогут ли влюбленные выбраться из коловорота чувств и враждебных к ним обстоятельств? Переживут ли грозную драматургию сюжета? Таковы проблемы, решаемые автором при изображении героев, угодивших промеж шестеренок нефтяного бизнеса, а может, несовершенного мира, в котором мы живем.

ISBN 978-5-44-988615-6

© Калин Х.
© Издательские решения

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| От автора | 6 |
| Хаим Калин | 7 |
| ЗАТВОРИ ЗА СОБОЙ ПОДНЕБЕСЬЕ | 7 |
| ПОВЕСТЬ | 8 |
| Глава 1 | 9 |
| Глава 2 | 20 |
| Глава 3 | 31 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 38 |

Затвори за собой поднебесье

Хаим Калин

© Хаим Калин, 2021

ISBN 978-5-4498-8615-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Сюжет произведения – производное голого авторского вымысла. Любые совпадения с реальными лицами, событиями и структурами – не более чем прием для подстегивания читательского интереса.

Хаим Калин

ЗАТВОРИ ЗА СОБОЙ ПОДНЕБЕСЬЕ

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Настроение было скверным, но Олег даже не понимал, почему: «Что тут, что там – идиллия, ровная колея...» Меж тем буквально днями его покинула Лариса, юная модель из Днепрпетровска, – ощущал он звон той «оплеухи» ныне или нет...

Подружку сосватал Джерри, чистокровный американец, друг и совладелец их сети бензозаконок на юге Калифорнии. Олег так и не выпытал, откуда девушка свалилась на голову Джерри, умудрившись просочиться через миграционное сито США. Забылось и выяснить, как Лариса и Джерри целый месяц общались, – в ее английском сиротливо ютилось лишь слово «model».

Лариса объявилась вчера, около полуночи, позвонив с мобильного, подаренного Олегом еще в первые дни их интрижки-сожителства. Сообщила, что перебралась на атлантическое побережье и о возвращении даже не помышляет. Взахлеб расточалась, что ее дела вот-вот пойдут в гору, язвительно заметив, что у него, падкого на девушек подиума, явный пробел со связями. Тотчас добавила, что ее новый друг, не чета ему, настоящий мужчина и сделал для ее карьеры за день-два больше, чем Олег за несколько месяцев. Целью же звонка было вытребовать ее пробные фото, забытые впопыхах. Хотя Олег не представлял, где их искать в своем многоярусном жилье, небрежно бросил «хорошо» и вскоре нажал на кнопку отбоя, уже порядком раздраженный то ли органичным коварством, то ли южным говором беглянки. Чуть позже его слегка позабавила мысль, что в просьбе выслать снимки не прозвучал ни ориентир для поиска, ни даже адрес, куда отправить, что так вязалось с этим невинно-порочным, вконец избалованным мужчинами созданием...

Олег сидел у бассейна элитного клуба «Crazy Savannah», популярного у бизнес-элиты Лос-Анджелеса, и вяло размышлял, как разогнать тоску. Определившись, извлек из минибара любимый «Чивас», как он говаривал, примиряющий с изьянами мира, рождением навязанного ему. После нескольких больших глотков интерьер клуба, столь безрадостный полчаса назад, уже ласкал изяществом дизайна. Размочив хандру, Олег не спеша разделся, бултыхнулся в кристально чистую воду и поплыл к противоположному бортику. Накручивая баттерфляем и во всю фыркая, он умудрялся смаковать овсяно-сладкие на вкус пары напитка.

В клуб, членом которого он уже был много лет, Олега привел телефонный звонок, сегодня утром зарегистрированный его секретаршей. Некто из «Crazy Savannah» приглашал посетить особое мероприятие. Олег спросил Мэрион, что имелось в виду. «Не уточнили», – прозвучал ответ.

Проходя через лобби клуба, Олег немало подивился пробелу в графе «Основное мероприятие», но не стал наводить справки, посчитав, что электронное табло неисправно. Чуть позже чернокожий привратник, вечно начитывающий рэп, обходя все помещения, оповестил, что основное мероприятие начнется в 21.00 в кинозале.

Искупавшись и растерев начавшее брызгнуть мускулистое тело, Олег вновь щедро хлебнул и потянулся к журналу «Sports Illustrated», специально приготовленному для него обслуживающим персоналом. До основного мероприятия – четверть часа, и он механически листал американские разделы журнала, норовя скорее добраться до страниц о европейском футболе. Краем глаза пронаблюдал за привлекательной массажисткой, поспешно покидавшей сауну с взбудораженным лицом, – то ли от постсексуального возбуждения, то ли от омерзения, – Олег так и не успел разобрать. Ничего не найдя о «Манчестер Юнайтед», за который болел последние двадцать лет, он отложил журнал и стал одеваться.

В скором времени Олег спешил в кинозал, который располагался в другом крыле комплекса. По дороге ему встречались многочисленные посетители, члены клуба, съехавшиеся чуть ли не со всей Калифорнии. В большинстве своем разгоряченные: кто алкоголем, а кто

игрой в гольф или сквош. Все, как и он, торопились в кинозал, стекаясь на кольцевую дорожку из арен и салонов досуга. Кого-то он знал лично, лица некоторых казались ему лишь знакомыми, но где-то треть попутчиков он встречал впервые. Впрочем, не диво: в большой стране – большие перемены. Сегодня ты в блейзере с эмблемой-пропуском в Эдем, завтра же – судебные приставы, дав под зад, разбирают твое имя на брусы очередной рухнувшей пирамиды... Между тем он каждого вежливо приветствовал и такие же учтивые приветствия получал в ответ. Со всех сторон слышалась громкая речь, столь характерная для этой страны. В основном, говорили по-английски, иногда по-испански и по-польски, а у самого входа в кинозал он даже услышал иврит, знакомый ему по трем годам жизни в Израиле, где оказался, покинув в конце семидесятых Советский Союз.

Войдя в зал, Олег рассеяно водил головой, пытаясь вспомнить ряд, где за ним закреплено маркированное именной табличкой кресло. Но утруждать себя не стал и обратился к клерку-информатору с планшетом. Забравшись в кресло и утонув в поролоновом раю, он непроизвольно вздремнул. Когда же приподнял веки, то увидел мельтешащие линии-зигзаги в узком формате экрана, столь непривычного для современного кино. Рябь взъерошила воспоминания о детстве с его черно-белыми, многократно заплатанными фильмами – единственном источнике грез в душном периметре провинциального советского городка, где он родился и прожил свои первые семнадцать лет. Сознание уже изготовилось к титрам на кириллице, когда замелькали непонятно откуда взявшиеся иероглифы.

Появился вид строения, мало узнаваемого из-за «качества» черно-белой пленки. Позже камера совершила несколько непрофессиональных маневров и, наконец, зафиксировала более или менее стройный план. Первое, что Олег распознал, были сторожевые вышки и часовые азиатской наружности. Далее расстелился огромный плац; на нем, у дальней стены, застыла шеренга вооруженных автоматами солдат с массивными кокардами в околышах. На их лицах читалась решимость исполнить свой долг, но, казалось, она диктуется скорее страхом, нежели убеждением. Тут перед Олегом приоткрылось: лента снята в китайской тюрьме, причем скрытно, из-под полы, судя по зигзагам и неровностям съемки.

Камера выхватила тщедушного офицеришку, семенящего вдоль шеренги и раздававшего указания. Лики чиновничества, вспыхивавшие то тут то там, подсказывали, что он здесь главный. Синхронно возникло ощущение: на плацу замышляется нечто недоброе, но что – оставалось за кадром.

Офицер поднес ко рту воки-токи и, поворачиваясь налево, к решетчатому проему на противоположной стене, нечто отрывисто сказал. Через минуту дверь-решетка распахнулась, выпуская необычную партию: скованный наручниками, обритый на лысо заключенный, два охранника и врач в белом халате. Олега кольнуло дурное предчувствие, он заерзал в кресле, не отрывая глаз от экрана.

Тем временем группа двигалась по плацу, и, по мере ее приближения, над ней все явственнее вырисовывался нимб мученичества и знак неминуемой беды. Вдруг Олег обомлел, увидев, что ведут не заключенного, а заключенную. Первоначальный же обман зрения возник, как он понял несколько позже, из-за бритой головы. С трудом верилось, что в третьем тысячелетии можно так по-иезуитски надругаться над обликом женщины, одев ее вдобавок в изорванную арестантскую робу.

Олег уже различал лицо заключенной и особенности ее конституции – ничем не приметельной китайки с мало что говорящими глазами. Казалось, ее заботит немного: не наступить на неровном брусчатом плацу из-за сковывающих руки наручников.

Один из охранников обошел узницу и дулом автомата, указал новое направление движения. Свернув налево, группа двинулась на шеренгу солдат. Несколько бойцов расступились, создавая проход для узницы и эскорта.

Открылось небольшое засыпанное песком пространство, формой и размерами напоминавшее детскую песочницу. Этот неожиданный, совершенно мирный план, должно быть, расслабил Олега – он откинулся на спинку стула, словно стряхивая напряжение.

Камера чуть переместилась, высвечивая новую, прежде укрытую за спинами солдат фигуру в гражданском. Штатский сидел за небольшим столом, установленным рядом с «песочницей». Большую часть его поверхности занимали пластиковые, аккуратно сложенные в стопку папки и канцелярские принадлежности.

Охранники и заключенная остановились перед квадратом песка, а врач направился к столу. Поздоровался со штатским и уселся на свободный стул рядом.

Малообъяснимый страх вновь овладел Олегом, стремительно сбиваясь в тошнотворный, рождающий животные предчувствия ком.

Чуть чеканя шаг, к столу подошел офицер-распорядитель. За ним устремился боец, вооруженный лишь пистолетом в кобуре. Офицер оживленно посоветался со штатским, после чего они по очереди посмотрели на часы. Вскоре командир отдал конвоирам какую-то команду.

Ближний к узнице охранник взял ее за плечи, в это время другой – расстегнул наручники. Освободив руки заключенной, последний одним движением заломил их за спину. Напарник вновь надел на нее браслеты, на сей раз обездвижив руки за спиной. Тут же, почти без усилий, конвоиры воткнули узницу коленями в песок. Ее голова лихорадочно замоталась из стороны в сторону, и Олег даже приметил всполохи отчаяния в ее глазах.

К заключенной направился штатский. По мере приближения, он раскрывал, возясь с клипсами, взятую с верха стопки папку. Подошел и некоторое время сверял облик узницы с фотографией из дела. Удостоверился, что оригинал совпадает с фото, закрыл папку и кивнул стоявшему рядом командиру. Тот, приняв командную стойку, повернулся к ординарцу с пистолетом и о чем-то распорядился.

«Пистолетчик» буднично побрел к стоявшей на коленях узнице. Сблизился, хорошо отретпетированным, даже щеголеватым, движением извлек оружие из кобуры, снял предохранитель и, практически не целясь, выстрелил ей в затылок.

Заключенная рухнула бесформенным кулем. Даже не взглянув на жертву, исполнитель чуть сдвинулся в сторону и, похоже, рассматривал длину шнурков на ботинках, а может, световую гамму налипших на них песчинок. Поднял глаза, лишь услышав заключение о смерти, вскоре объявленное врачом.

Скучившись над столом, вся четверка, состоявшая, как представлялось, из одетого в штатское прокурора, начальника тюрьмы, врача и экзекутора, деловито подписала лист, который, скорее всего, был актом об исполнении приговора.

В ушах Олега стоял невообразимый гул от учащенно работавшего сердца, будто многократно усиленный биением сердец коллег по просмотру. Все оставались на своих местах и, судя по меловым, перекошенным лицам, пребывали в глубоком шоке.

Еще какое-то время в помутненное сознание Олега проникали, почти не задерживаясь, кадры завершающих процедур экзекуции. Трое солдат подбежали к убитой, расстелили черный целлофановый мешок, сноровисто запаковали тело и забросили его в подъехавший грузовик. Затем один из служивых взял прислоненную к стене лопату и на участке казни перекопал песок, пряча следы крови и, наверное, серого вещества.

В этот момент, совершенно неожиданно для самого себя, Олег склонил голову и погрузился в раздумья, но ненадолго, почти сразу разгадав, почему в клубе не разглашали суть «особого мероприятия» и не рекламировали его. Лента не прошла бы любую цензуру, в том числе и американскую, в общем и целом, либеральную. Даже с учетом того, что казни в Китае еще недавно проводились в назидание публике – их устраивали на стадионах и транслировали по телевидению. С одной только оговоркой – казни мужчин. Интегрированный в мировую экономику режим Китая, хоть и беззастенчиво попирает права человека, все же опасается

своей полной дискредитации. Свободный мир ни при каких обстоятельствах не смирился бы с публичным показом экзекуции слабых женщин. Оттого лента снята подпольно, без санкции китайских властей. Стало быть, ее статус в Америке, да и в любой другой стране, хромает на обе ноги.

На этом раздумья Олега прервались. Приглушивший эмоции рассудок воспроизвел несущую конструкцию сюжета – стопку пластиковых папок, аккуратно сложенных на столе возле «песочницы». Этот фрагмент, дав волю новой волне дурных предчувствий, вернул его к просмотру короткометражки.

События там развивались по схеме, суть и динамику которой задавала горка скоросшивателей с запрессованными внутрь человеческими судьбами. Да и сам сюжет фильма, какой-то сверхнатуралистичный и неумолимый, подсказывал своей фабулой: сегодня на этом плацу будет лишен жизни еще не один человек.

В решетчатом проеме вновь кто-то появился, правда, на сей раз оптического обмана не произошло. Олег увидел, что это – женщина, хотя, как и первая заключенная, она была обрита налысо. Округлость форм и какая-то незащищенность походки выдавали пол с первых ее шагов, пусть не безоговорочно с учетом немалого расстояния.

Новая приговоренная приближалась и, как и в первом случае, по кривой смерти ее вели заплочных дел мастера. Между тем, в последующем, прокручивая в памяти этот эпизод, Олег почему-то видел только ее одну, парившую над плацем к черной дыре исхода.

Объектив неумолимо приближал узницу к фатальному рубежу, и через секунду-другую Олег уже различал ее черты. Несомненно, это было лицо Востока, при этом Олега удивило отсутствие преобладающего в Китае узкого разреза глаз. Может, метиска, подумал он, или представительница одной из малых народностей, щедро населяющих северо-запад этой огромной страны.

Олег уже разглядывал весь образ во плоти, в нормальной проекции изображения. Он видел тонкие изгибы губ, выдававшие жестокость Азии, и даже белую накипь пены в уголках рта – как симптом ненависти, которую узница излучала. Он отметил про себя, насколько ее эмоциональный облик контрастирует с безучастностью первой жертвы, лишь двадцать минут назад доставленной тем же маршрутом на заклание.

И тут... что-то щелкнуло в его разуме, обыденно хранившем событийный и чувственный багаж прошлого. Олег не то чтобы узрел нечто новое, не вычленимое еще мгновения назад – его вдруг посетили ассоциации, пока маловразумительные и неочевидные. Появились какие-то точки, полуразмытые линии и фрагменты, слеплявшиеся в некое целое, очень теплое и дорогое, но все еще неузнаваемое.

Узница подняла глаза, и объектив, словно умышленно, укрупнил ее план.

Прямо на Олега, в этот роскошный, безнадежно оторванный от хлябей жизни зал, двинулась Светлана – сокровеннейшая женщина его жизни, злым роком заброшенная в Поднебесную, к обрыву света и своей судьбы.

Сказать, что событие его потрясло – все равно, что проставить многоточие. Никаких пределов в той прогнавшей через себя пробе на разрыв не существовало. Вылетел же Олег оттуда кубарем. Тело, где саднило, а где несносно свербело. Он то морщился, то каменел. В итоге обмяк и, нечто вкушая, совершенно бесформенно, как кусок мяса наличествовал. В его состоянии духа причудливо сплетались: врожденное отвращение к насилию, неверие в детективные сюжеты и какой-то мрачный прилив сексуальности, взбравшийся из дебрей подсознания. И еще – нежность, неземная, полунаркотическая, накрывшая своим маревом эту невыносимую абракадабру чувств и боли. Нежность, парадоксально испытываемая к человеку, которому вот-вот разможат затылок. Нежность, дико неуместная в этот переполненный ужасом смерти момент.

Олег встал и, припадая на правую ногу, заковылял к выходу. Стекланные блоки между рядами зажигались мягким матовым светом, направляя его движение во тьме. Едва он выбрался в проход, как клерк подскочил к нему и несколько раз переспросил, все ли в порядке и не нужна ли ему помощь. Олег промолчал, утерев функцию речи.

Он доехал до дому всего за двадцать минут, поскольку жил в пятнадцати милях от «Crazy Savannah». Поднялся на второй этаж и, открыв огромные, на всю высоту спальни, окна, распластался на ворсяном ковре. Время от времени поднимал голову и бессмысленно смотрел на океан. Столь необычное времяпровождение возникло не спонтанно – парадоксальным образом перекинулось из юных лет. Так, три десятка лет назад, лежа на животе и широко раскинув руки, он приводил свой изматываемый спортом организм в порядок. Чаще всего помогало. Силы возвращались, зажигая искры мышечной радости. Тем не менее порой тело противилось возвращаться в норму – тогда он орал от нестерпимой боли, катаясь по полу.

Олег задумался, пытаясь найти параллель между давно забытой повадкой юности и своим нынешним состоянием, но ни к чему путному не пришел. Он носился в каких-то потемках, разрываясь между угрызениями совести, испытываемыми к своей бывшей возлюбленной, и, если верить фильму, ныне покойной, порывами обожания к ней и прерывистым клецаньем зубов человека, чудом выскочившего из капкана смерти.

Со временем ласкающий слух шум океана оживил его мозг и приглушил боль потрясения. Думы заторопились в прошлое, увлекая в воронку воспоминаний.

Олег встретил Светлану в Стамбуле – городе, в котором никогда прежде не был, но который всегда его манил некой тайной, заключенной в звучном названии. Между тем, всего через неделю, он всю тосковал по ставшей родной Калифорнии и не мог приложить ума, куда себя деть, имея уйму свободного времени. К тому же, он впервые оказался в мусульманской стране, поразившей незыблемостью ортодоксальных законов, застывших как вулканическая лава.

Из-за хронического безделья Олег часто слонялся по Стамбулу на арендованном «БМВ» в поисках приключений. Американцев в городе было немного, да и он, в общем-то, не искал общения с ними. Зато во многих людных местах Олег часто слышал родную русскую речь, неологизмы которой жадно впитывал, улыбаясь про себя активному словотворчеству новой эпохи и добротному матерку, бережно сохраненному для потомков, невзирая на все потрясения, выпавшие на долю великой нации. И он прилежно вносил сей новояз в словарь, давно растрепавшегося на чужеземных ветрах языка.

Дней через десять его естество заерзло без женского тепла, но идейку о попуной любви он отринул, некогда дав слово отказаться от наслаждений, отпускаемых оптом и отнюдь не по солнечным часам.

Когда в стамбульском аэропорту, провожая коллегу, он услышал за спиной до боли знакомое «козлы», то не стал оглядываться – эка невидаль. Сфорсили бы «крышевать», «фильтровать», «с друганом наезжать» – другое дело. Правда, голос был женский, пусть крикливый с фальцетом... Но куда там в восточном гаме, да толчее – самому бы не потеряться...

С Олегом поравнялись две пассажирки, одна из которых, судя по тембру голоса, и была обличительницей «козлов». Попутчица жестикулировала и напористо расширяла синонимический ряд своего возмущения «баранами», «мудаками», прочими «ами» и «ями».

Олег не успел рассмотреть ее лицо – зазвонил его мобильный. Он ответил, перейдя с английского на русский. Из Америки звонила его мать. Общась с ней, он незаметно подошел с коллегой к очереди на регистрацию, а шедшие рядом товарки, подкатив на тележках массивный багаж, пристроились чуть сзади.

Олег рассказывал маме, что все течет своим чередом, но по ней он страшно скучает. В командировке между тем пробудет еще долго и, когда вернется, не знает. Мама пустилась

в расспросы, и он терпеливо отвечал ей, описывая свою жизнь во всех подробностях. Отвлечшись на мгновение, заметил, что стоящие за спиной подружки навострили уши.

Покончивший с регистрацией коллега переминался с ноги на ногу, выказывая намерение распрощаться. Олег наспех пожал его руку, хлопнул по плечу, после чего вернулся к стойке. Располагаясь к ней спиной, оперся локтями. Рассеяно думал, не обиделась ли мама из-за внезапно прерванного разговора.

Олег увидел, что его бывшая соотечественница пытается сдвинуть баул, кажущийся неподъемным. Хотя на Западе это почти не принято, он резко подался навстречу и одним махом поднял тяжелый груз на весы. Успел даже подумать: «Надо же, не растранижил за давностью меркантильных лет...»

Его обдало теплом благодарных глаз и чем-то необыкновенным, сугубо интимным, заострившим внимание. Их взгляды встретились, и он немало подивился тому, что стоящая перед ним весьма привлекательная, если не красивая особа и недавний критик первозданной порочности мира – одно и то же лицо. Тотчас услышал:

– Большое спасибо. Вы очень помогли.

– You are welcome, – почему-то по-английски отозвался Олег, машинально перепутав язык общения. Опомнившись, исправился: – Да не за что!

Тут он заметил, что позади женщин высятся еще несколько баулов. Вновь сделал неосознанное движение навстречу и... застыл. Седеющего активиста пионерских слетов приморозил потребитель сытого, рационального Запада. Поискав нечто глазами, Олег обратился к клерку регистрации:

– Please, call a porter to your desk.

Подруги недоуменно переглянулись, и, чтобы прояснить ситуацию, Олег перевел:

– Я пригласил грузчика. Заметив растерянность на лицах дам, добавил: – Не волнуйтесь, я заплачу.

Не успели часы начать отсчет новой минуты, как возникший чуть ли не из-под земли работяга споро водружал баулы на весы.

Эпизод себя исчерпывал, и Олег потянулся за бумажником, чтобы расплатиться. Вытащить его помешало чье-то прикосновение. Поворачиваясь, он услышал:

– Это лишнее, я сама заплачу, – голос, неожиданно приятный, даже завораживающий, принадлежал владелице баулов, первоначально объявившейся как автор гневных тирад.

– Да нет же, мне это ничего не стоит, – возразил Олег.

– Я обижусь, не надо... – настаивала незнакомка.

Упрек не просто сбил его с толку – поразил. Что значит «обижусь»? Можно ли обидеться на случайного попутчика? Ведь он призрак, который вот-вот исчезнет и никогда не возникнет вновь.

Олегу вдруг безотчетно захотелось взять незнакомку за руку и просто подержать. Но едва это чувство явилось, как он ощутил, что... ладонь уже покоится в ее руке.

Они смотрели друг на друга и соприкасались ладонями, не замечая никого вокруг. Отдавшись внезапному чувству, не видели, что у подружки открылся от изумления рот, клерк на регистрации чуть не свернул шею, а грузчик смешался, не зная, кому предъявить счет – разве что ангелам любви... Облачко вспыхнувшей страсти чуть рассеял вопрос:

– Ты будешь меня ждать?

Его ошеломляющая прямота требовала ответа, пусть невнятного, заикающегося, но ответа. Между тем у Олега его не было, да и не могло быть. Визави ведь не знала, что жизненное кредо Олега: никому и никогда не раздавать авансов и, в особенности, женщинам. Повинуясь минутному ослеплению, ей было невдомек, что мужское рацию Олега уже без запинки выдало: «Что может возникнуть между людьми, обитающими в двух разных галактиках, слу-

чайно встретившимися в третьей и располагающими лишь одним билетом для путешествия в никуда?»

Но тут, растревоженный и смущенный, он услышал:

– Я вернусь в Стамбул через неделю. Обычно останавливаюсь в отеле «Инам», у центрального рынка, южный терминал.

Незнакомка разжала ладонь, всем видом показывая: мне пора. Но, начав разворот, остановилась.

– Меня зовут Светлана, – сообщила дама, улыбаясь.

Светлана опустила веки, но вновь глянула на Олега с какой-то лучистой грустью – то ли в ожидании, что он назовет себя, то ли желая запомнить его облик. Повернулась и решительно зашагала к грузчику.

В очередной в судьбе раз Олег оказался на перроне страстей, забрезжившей и, возможно, последней надежды. Перед ним, в обыденной проекции мира, двигалась, совершая последние приготовления к полету, его героиня. Не вымышленная и не взятая напрокат в мире интереса и незримых тарифов, а какая-то очень внятная, и, должно быть, крайне нужная ему женщина. Женщина, которой у него никогда не было.

Его разум раздвоился. Какая-то его часть, связанная с прогрессом и зашкаливающей динамикой жизни, порывалась возвести сотовые, имейловые, прочие линии связи. Другая же, похоже, первозданная, вторила: «Пусть остается все, как есть, в очаровательной недосказанности момента».

Он еще долго опирался о стойку, пока клерк не привел его в чувство: «Sir?»

Олег дернулся, как спросонья, и, напоминая пышущего вдохновением, до изнанки растревоженного юношу, двинулся на выход. Минутой ранее изящный облик Светланы скрылся за дверью пограничного контроля. Она не оборачивалась.

Последующие несколько дней (по календарю – выходные) Олег обретался в пьянящем, экзальтированном состоянии духа. Напевал, притом что медведь наступил ему на ухо, черкал нечто в блокноте, ужасно марая бумагу, носился по номеру, то и дело заглядывая в зеркало и прихорашиваясь. В нем бурлили эмоции, не вязавшиеся с его солидным, с налетом вальжности, фасадом. Еще недавно казалось, с ним он на свет божий родился. Между тем, к понедельнику, по уши влюбленный Олег сформулировал естественный, подсказанный здравым смыслом план.

Не найдя отеля «Инам» на карте, он вызвал такси и отправился на розыски следов Светланы. Таксист долго блуждал по обрамлявшим громаду стамбульского рынка закоулкам, прежде чем подкатил к двухэтажному обшарпанному зданию, ни в коей мере не напоминавшему гостиницу.

Хозяин, мужчина средних лет, совсем не говорил по-английски и с подозрением рассматривал Олега, чья представительная внешность и дорогой «Ролекс» не вписывались в незатейливый антураж этого, без всякого преувеличения, «постоялого двора». Он попытался заговорить с ним по-французски, затем по-немецки, но тщетно. Турок в растерянности разводил руками и все порывался уйти. Олега в конце концов осенило:

– Вы говорите по-русски?

– Да! – удивился хозяин, не без оснований приняв Олега за кого угодно, только не за русского.

Не долго думая, Олег достал пятидесятидолларовую банкноту, выложил ее на стойку и спросил:

– Ты знаешь русскую по имени Светлана? Она останавливается в этом отеле...

Понятное дело, турок знал русский на уровне числительных и пары десятков наиболее употребимых слов. Оттого скорого ответа не получилось. Но, повторив несколько раз имя «Светлана» и симитировав жестами классические формы женщины, Олег достиг желаемого.

У хозяина поначалу в глазах пробежала волна затаенной страсти, чуть позже он слащаво заулыбался и, наконец, коверкая звуки, извлек из себя: «Светлана, челнок». Заметив некоторое замешательство Олега от слова «челнок», он указал в сторону чьих-то сваленных у входа баулов.

Визитеру тут стало ясно, что он попал туда, куда нужно, и та бесподобная сцена в аэропорту вовсе не плод его воображения, навеянного одиночеством последних недель. Еще несколько вопросов прояснили, что Светлана в «Инам» – постоялица со стажем, несколько лет останавливается здесь с периодичностью в семь-четырнадцать дней. Олег записал на клочке бумаги свое имя, номер мобильного и вручил записку вместе с банкнотой хозяину. Тот расцвел и, используя коллаж жестов и междометий, как-то изъяснился, что миссия ему понятна: дать знать, когда Светлана объявится. Напоследок вручил Олегу визитку гостиницы.

В конечном итоге хозяин отеля поступил с точностью до наоборот. По приезде Светланы, вместо того, чтобы известить Олега, передал записку ей самой, особо не распространяясь. Да и немудрено, с его-то голубиным русским... Она же, посчитав, что на нее запал какой-то приятель хозяина, записку выбросила.

Спустя неделю, изнывая от безрыбья вестей из гостиницы, Олег через знакомого турка принялся названивать туда сам. Но ему не везло: то трубку не брали, то отвечали, что хозяин в отлучке.

Решив более не испытывать судьбу, Олег вновь отправился в гостиницу, на сей раз на своем автомобиле. И почему-то на ночь глядя. Едва он оказался у входа, как столкнулся с высоким парнем очевидной славянской наружности. Не мудрствуя, обратился к нему по-русски:

– Вы живете здесь?

– Да, а че надо? – дался диву постоялец.

– Я ищу Светлану, должна была прилететь, – неуверенно, пряча глаза, молвил Олег.

– А ты кто такой? – насторожился собеседник.

– Знакомый Светланы... – Олег явно терял решимость.

– Что-то я тебя здесь раньше не видел... – протянул с сарказмом постоялец и уставился на Олега.

– Да вы и не должны были меня здесь видеть, я просто ищу Светлану! – возмутился, расставшись со скованностью, Олег.

– А какую Светлану? – из Липецка или Абакана? – хитро сощурился собеседник.

– Точно не знаю, – снова смешался Олег.

– Ну ты даешь! Мужик, ты хоть сам знаешь, откуда? – хохотнул постоялец.

– Знаю, из Лос-Анджелеса, – твердо произнес «поисковик».

– Отку... – споткнулся на полуслове «информант». Покачав головой, незаметно ретировался.

В раздумьях, что делать дальше, Олег пребывал недолго. Откуда-то, из-за угла, донеслась громкая речь, хотя и не совсем внятная. Ему было не до праздного любопытства, но он прислушался, – ведь говорили по-русски, мужчина и женщина. В какой-то момент вознамерился было одернуть себя – мол, делать нечего? – когда услышал в переключке двух голосов знакомые по недавней встрече в аэропорту интонации. Женский голос, несомненно, принадлежал Светлане, а мужской... его недавнему собеседнику.

– Мать, тебя в натуре ищет какой-то хмырь – то ли поехавший, то ли правда ненашенский. Из Лос-Анджелеса, говорит! – распался «информант».

– Бухой, наверное. Заблудился и не знает, кто и почему, – зычно, но совершенно бесстрастно откликнулась Светлана.

– Не, не бухой, да и откуда в Стамбуле бухие, – спокойно возразил «информант», вскоре добавив: – Вообще, гладкий какой-то, с прикидом. Чистоплюй, в глаза прямо не смотрит, словно брезгует.

– Витяня, а не седоватый ли, с короткой прической, за сорок, весь такой из себя?.. Ну, сам знаешь... – заинтересовалась Светлана, заметно волнуясь.

– Вроде он... – неуверенно подтвердил Витяня.

На выходе из переулочка обозначились фигуры двоих пешеходов и, хотя на них почти не падал свет, Олег убедился, что к гостинице движется Светлана с «информантом». Его затрясло и, чтобы совладать с дрожью, он то просовывал руки в карманы, то вынимал их.

Вдруг Светлана остановилась как вкопанная.

– Вить, иди-ка ты в гостиницу, а я заночую у Люськи в «Керзи».

– Ты что, поздно уже! – ахнул Виктор.

– Ничего не поздно, иди, – упорствовала Светлана.

– Как заночуешь, а я? – едва озвучил «информант».

– А ты вещи охраняй! Не ровен час, разворуют, как в прошлом месяце – сколько баксов в них вложено! И вообще... мне этот сосед с Кривого Рога не нравится, глазами так и зыркает! – дубасила вкруговую Светлана – точь-в-точь, как две недели назад в аэропорту.

– Я тебя проведу до «Керзи»! – предложил Виктор.

– Сказала тебе: вещи охраняй! Забыл, что два раза не повторяю! Завтра встретимся, – смягчила на последних словах тон Светлана.

– Светка, ты что – из-за этого хмыря? Да я его... – хорохорился Виктор.

– Только попробуй, боец хренов! – показав кулак, Светлана скрылась в соседнем переулочке.

Автомобиль Олега был припаркован рядом, с тыльной стороны гостиницы. Вскоре он сидел в нем, весь раздавленный. Промокнувшая до последней нитки рубашка плотно облегла торс, причудливо дополняя ощущения гадливости, которые он испытывал к самому себе. Очередной день его наполненной одиночеством жизни завершился фиаско, полным и безоговорочным, гулко звенящим в ушах, пахнущим несвежим телом и малюющим лиловые круги в глазах и на душе.

Несколько лет назад одна женщина, поддерживая с ним какие-то странные отношения (она то ли была замужем, то ли «замуж» не очень хотела, – Олег уже не помнил) призналась в минуту редкого для нее откровения: «Ты типичный идеалист, весь седой, а все еще ищешь в женщинах идеал, и это в ком – бабах!» Заразительно рассмеявшись, добавила: «А знаешь, такие женщинам нравятся и, как ты думаешь, почему? Их легко дои...» Дама осеклась и махнула рукой, по-прежнему сотрясаясь от смеха.

Этот парадоксально всплывший в памяти фрагмент, пусть не позабавил своей трагичностью, но как-то расшевелил и вернул Олега к актуальностям дня.

Мерцавшие электронные часы автомобиля бесстрастно вели отсчет времени. Времени, отведенного ему судьбой. Он не верил в судьбу, но всегда повиновался правилу, которое диктовалось всей сутью существования: как бы ни было трудно, начни новый круг и двигай дальше.

Олег завел двигатель, тронулся. Он еще не знал, что нового круга не будет и что, начиная с той трепетной встречи в аэропорту, он находится во власти громадного, преобразующего судьбу события, которое вот-вот распахнет свои двери перед ним.

Узкая, мелькавшая невнятным очертаниями улочка не оставляла выбора маневра – движение одностороннее. Хотя он не представлял, куда ведет этот маршрут, просто жал на акселератор. В этот поздний час тротуары были пусты, гармонируя с одолевшим его одиночеством.

«И что, так до конца, по этому туннелю времени, где мечта лишь манит, но не способна воплотиться?» – подумал он.

Показались контуры главной дороги и абрис женской фигуры, хоть и слабо различимой, но узнаваемой. Светлана стояла на тротуаре и лихорадочно крутила туфель с отлетевшим каблуком.

Казалось бы, исчерпавший себя сценарий ночи непостижимым образом вернул фабулу действия обратно – к завязке. При этом насухо отжатая душа Олега отказывалась верить в удачу, разум же горбил спину бесстрастно, впрочем, как всегда.

Олег остановился напротив Светланы, распахнул ближнюю к ней дверь. Не ожидая чего-то подобного, та отпрянула и, прихрамывая на одном туфле, неуклюже зашагала вглубь тротуара. В итоге споткнулась и замерла на полпути. В ее лице воцарилась крайняя досада, да еще внутренний разлад и самобичевание.

Олег выглядел, будто виноват в постигшей Светлану «аварии», но что предпринять, не знает. Казалось, он не в силах перевернуть нежданный виток действия, ставшего на прикол четверть часа назад.

Светлана наконец взглянула на распахнувшего дверь водителя.

– Ты?! – скорее выдохнула, чем произнесла она. В интонации полуслова-полумеждометия сплелись: запредельная радость от какого-то свалившегося с души бремени, изумление и страх перед неизвестностью. Тотчас на Светлану накатились новые волны чувств, казалось, только усугубившие кавардак души.

Тут позади, в начале улицы, зазвучали звуки сирены – скорой помощи, а может, полицейского патруля. Поначалу они Олега лишь чуть встревожили, но, по мере нарастания, вызвали острую панику. Ведь автомобиль на узкой улочке блокировал движение и освободить проезд можно было, лишь отъехав, тем самым, возможно, вновь Светлану потеряв.

Олег лихорадочно посматривал то на «травмированную» беглянку, то в зеркало заднего обзора. Тем временем звуки сирены приближались, и наконец Светлана сообразила, отчего Олег паникует. Оживилась, сорвала с ноги туфель, запихнула его вместе со вторым, поломанным, в сумочку, запрыгнула в автомобиль.

Загудел клаксон. Олег ненавидел это средство общения хамоватых водителей, но на сей раз даже не поморщился. Его внимание всецело сфокусировалось на дороге. Минут пять он безоглядно гнал машину, то и дело нарушая правила, пока не услышал:

– Куда мы едем?

– Ко мне домой – ответил он.

– А где ты живешь? – всполошилась спутница и застыла.

– В центре, – буркнул Олег.

– Если в центре, то мы едем в противоположную сторону, разворачивайся! – скомандовала Светлана. Чуть погодя добавила: – А вообще, тебе нужно успокоиться, мы уже дважды чуть не проехали на красный свет. Да и не мешало бы представиться...

Олег проехал еще несколько кварталов, прежде чем разобрал смысл сказанного. Резко затормозил, остановился и, обхватив руль руками, задумался, не зная, как себя вести. Чем-то его состояние было сродни пуховой перине отрочества с его еженощными снами, по большей мере беспольными и не влекущими куда-либо, но оставляющими после себя сладенькую мазню.

Он все еще катался по горкам подсознательного, когда услышал:

– С тобой все в порядке, господин без имени, да еще неизвестно откуда?

– Да Олег я, Олег... – рассеянно назвал себя он и после паузы указал на отчизну: – Откуда я? Да оттуда же, откуда и ты, из Союза!

– Но Союза давно нет, есть Россия, Казахстан, Украина... – призвала к исторической корректности Светлана.

Решительно стерев с себя простоквашу отрока, Олег повернулся и стал рассматривать Светлану, внимательно, но по-доброму, ненавязчиво. Светлана выпрямилась и, повинувшись природе, потянулась к прическе, но почему-то замешкавшись, вернула руку на прежнее место – к лежавшей на коленях сумочке.

Взгляд Олега произвольно последовал туда же и остановился на двух предметах, одному из которых он был обязан тем, что эта невероятная встреча состоялась.

Тишину стамбульской окраины, где случайно остановились наконец познакомившиеся спутники, сотрясли раскаты смеха, всепоглощающего, не контролируемого, со слезами и испариной. И, казалось, в неуклюжих позах исполняют небывалый ритуал влюбленных два самых счастливых человека, возможно, в этом городе, а возможно, в этой ночи.

Первым начал приходить в себя Олег. Его лицо мало-помалу сосредоточилось, посерьезнело.

– Света, скажи, а где в это время можно купить туфли? – задал неожиданный вопрос он.

– Туфли – какие? – искренне удивилась Светлана.

– Да обычные... – Олег указал на сумочку, широко улыбаясь.

Светлана молчала. Казалось, вопрос застиг ее врасплох.

– Нигде, до восьми утра все закрыто, – спустя некоторое время сообщила она, подытожив: – Да со мной ничего не случится, теплынь-то, какая. Обойдусь.

Олег перевел взгляд на улицу, задумался. Он представил лобби отеля, где обитал. Своей помпезностью и множеством телекамер оно напоминало ему город-сказку Лас-Вегас. Какие бы чувства не обуревали его сей момент, позволить себе вторгнуться во владения шика и безупречного этикета с босой женщиной он не мог. Пусть даже со столь привлекательной, как Светлана. Он знал, что этот экстравагантный выверт не останется незамеченным. Привлекать же к себе внимание было чревато последствиями и, как ему в те мгновения думалось, не столько для Светланы, сколько для него самого...

Глава 2

Все же что привело Олега в Турцию, вынудив покинуть дом и работу на длительное время? Оказывается, событие, с сирой повседневностью никак не перекликающееся...

Когда полтора месяца назад на мобильный Олега, номер которого знали от силы пять-семь человек, позвонил некто и твердым голосом уведомил, что с ним намерен встретиться один из топ-функционеров компании «Стандарт Ойл» и при этом не назвал, кто именно, Олег встревожился не на шутку. Не секрет, что любой руководитель верхнего звена этого транснационального гиганта мог, не колеблясь, набрать номер канцелярии правительства, скажем, Нигерии или Мексики, и предложить сотрудничество по проекту, от реализации которого природные ресурсы региона обеднеют, несколько власть предержащих обогатятся, а «Стандарт Ойл» останется «Стандарт Ойл» – нерушимой империей очень больших денег и огромных амбиций. Можно сказать, вселенских. Тем самым любой крупный чин «Стандарт Ойл» и владелец сети бензозаправочных станций были не столь разновеликими фигурами, как не подлежали сравнению в принципе. И не потому, что двадцать семь миллионов Олега (оценочная стоимость его доли в бизнесе) тонули без пузырей в миллиардах «Стандарт Ойл», – их интересы лежали в разных плоскостях. Олег – розничный торговец горючего средней руки, а «Стандарт Ойл» – важнейшая несущая конструкция мирового энергетического комплекса.

Встреча между Олегом и топфункционером состоялась в тот же день в загородном ресторане. Олега ничуть не удивило внезапное появление молодого мужчины, на редкость незапоминающегося и безликого, который, не представляясь, пробормотал несколько невнятных фраз и провел его от входа в ресторан – к месту встречи. Олег даже не поинтересовался, собственно, кто он такой, ибо в прошлом ему не раз доводилось сталкиваться с похожими «манерами», отличающими сотрудника спецслужбы от обычных граждан. И этот опыт научил его не задавать лишних вопросов.

В одиночестве уютного кабинета с видом на океан Олег скучал недолго. Дверь отворилась. К нему направился приблизительно его возраста господин, излучавший благожелательность, но в оправе цепкой деловой хватки Америки. Господа обменялись рукопожатиями, представились друг другу и не спеша расположились за сервированным столом.

Вскоре корпоративный воротила озвучил несколько русских слов, едва угадываемых из-за жуткого акцента. Тут и без того невеселое настроение Олега увяло совсем. Пессимистичный прогноз оправдывался: в «Стандарт Ойл», судя по вступлению, задумали его использовать для чего-то в России. Этого же Олегу хотелось меньше всего, поскольку он был наслышан, в какую криминогенную зону превратилась Россия и какие кровавые стычки там то и дело вспыхивают вокруг раздела собственности и различных финансово-экономических проектов. А от чего Олег всегда держался подальше, так это – рискованных предприятий.

Хью, так звали сотрудника «Стандарт Ойл», понимая двусмысленность положения и заметив скованность собеседника, суть проблемы задвигать в дальний ящик не стал.

– Олег, вы понадобились нам по очень важному делу, и, признаться, когда я ознакомился с вашим досье, то не поверил своим глазам. Я не сомневался, что служба безопасности нашей компании отличается эффективностью, но никогда бы не подумал, что их поиск приведет к столь идеальной кандидатуре, то есть к вам. Олег, мы предлагаем вам поработать по специальности... – Хью взял небольшую паузу, позволяя собеседнику переварить вступление. – Ее вы, убежден, не забыли и, конечно, с ней достойно справитесь. Сразу уточню: ваш труд будет не менее достойно оплачен.

– По специальности? – Олег чуть не поперхнулся. – Да у вас какая-то неточная информация! – На его бледном лице проявилось подобие саркастической улыбки, после чего он продолжил: – Когда я езжу отдыхать, то в некоторых странах пользуюсь услугами своих бывших

коллеги и, примите на веру, даже не знаю, как их нанимают. Этим занимается мой туристический агент, с которым, как вы понимаете, общаюсь даже не я, а моя секретарша.

– Дорогой Олег, поверьте, мы достаточно информированы, – Хью непринужденно откинулся на спинку стула. – Нам известно, что в семьдесят шестом году вы окончили переводческий факультет одного из советских университетов. Среди сокурсников слыли способным студентом, хотя и нещадно пропускали занятия. За время учебы демонстрировали как обширные знания, так и независимость взглядов, что не всегда нравилось администрации. Получив степень, через несколько лет перебрались на Запад. Здесь вам помогло знание иностранных языков, но в еще большей степени – понимание западного мышления. Работать по специальности не захотели, став на путь частного предпринимательства. Для бывшего советского человека сделали головокружительную карьеру: за десять лет из иммигранта, прибывшего из СССР с сотней долларов в кармане, превратились вначале в миллионера, а потом – и в мультимиллионера. Причем, следует отметить, заработали большие деньги вполне легально – без наркотиков, оружия и прочего криминала. В деловых кругах своей отрасли слышите бизнесменом с безупречной репутацией, что не часто встречается в наше время... – Хью призывно развернул ладонь, давая понять, что с преамбулой покончено, и он не прочь выслушать собеседника.

– Хью, я немало удивлен обширными сведениями обо мне, – растерянный лик Олега явно контрастировал с его словами, – но я по-прежнему не понимаю, откуда столь острый интерес к моей скромной персоне. Я далек от мысли, что в Соединенных Штатах дефицит квалифицированных переводчиков и что, отчаявшись их искать в телефонных справочниках или через Интернет, вы прибегли к помощи спецслужб, пусть частного толка. Да и о каком профессиональном уровне может идти речь после двадцатилетней деквалификации?

– Олег, не скромничайте, – с нажимом возразил Хью, – и не приуменьшайте свои способности. К тому же мы не нуждаемся в классическом переводчике. Нам потребовался референт с хорошим знанием английского и русского языков, а это не одно и то же.

– Так наймите любого отставного дипломата, или, в худшем случае, выпускника факультета славистики из Гарварда! – перебив, запальчиво протараторил Олег. – А контракт с русским фрилансером вам вообще обойдется в сущие гроши!

– Олег, этот вариант мы отбросили сразу, практически не рассматривая его, – Хью чуть усмехнулся. – Нам нужен человек изнутри, завязанный на американском бизнесе обязательствами и экономическими интересами, и поэтому... совершенно надежный и предсказуемый. Речь идет об абсолютно секретных переговорах, и, возможно, проекте века, следовательно, любая утечка информации исключена!

– Хорошо, а как оставить бизнес, приносящий семьдесят тысяч чистой прибыли в неделю? Или, хотите сказать, что моя зарплата в «Стандарт Ойл» будет выше? – настал черед Олега усмехнуться.

Тут Хью потянулся к лежащей на соседнем стуле папке, достал из нее несколько сшитых листов и протянул визави. Первое, на что Олег обратил внимание, был торговый знак оптового поставщика горючего, с которым последние восемь лет его связывал долгосрочный контракт. Ну а сам документ, при знакомстве, оказался новым контрактом, как две капли воды похожий на предыдущий. В нем лишь разнилась одна цифра, будучи скорректированной всего на 0.08. Когда же до Олега дошла суть преобразования, он заерзал. Стало ясно: дискуссия с Хью бессмысленна, и он лишь теряет время. Если за не бог весть какую работу «Стандарт Ойл» гарантирует немалый рост прибыли в его бизнесе, – а это сотни тысяч долларов в год – то несложно предположить, куда качнется маятник, если он откажется. Его просто сотрут в порошок. Стало быть, пора сворачивать полемику и встраиваться в новую реальность.

Когда, покончив с чтением, Олег поднял глаза, Хью чуть вздрогнул, хотя и прочитал согласие во взоре собеседника. Хью слыл мастером многоходовых операций, в ходе которых он размазывал человеческие судьбы как масло на бутерброде, хладнокровно, без сантимен-

тов. Средства разнились, но большинство комбинаций сводилось к двум древнейшим способам: подкупу и угрозам. Столь незатейливо он ломал практически всех – от рядовых клерков до правителей банановых республик. Хью испытывал мрачное, полуживотное наслаждение, когда, покусившись на блага либо струхнув, жертва заглатывала наживку, игнорируя очевидное: рано-то или поздно придется расплачиваться – кому карьерой, семьей, а кому и самой жизнью. В первый раз, однако, Хью лицезрел оппонента, не похожего на предыдущих подопечных, с таким типажом он просто не сталкивался. Взгляд Олега был преисполнен такого достоинства, некрикливого и не показного, насыщен таким умом, мощным и независимым, и струил такую грусть, неумолимо влекущую и какую-то вечную, что Хью испытал нечто, для него невообразимое, – сострадание, обычное человеческое сострадание. Длилось это, правда, недолго. Хью уже вернулся к привычной миссии деструктора судеб, когда услышал:

- Каковы конкретно будут мои обязанности?
- Ничего обременительного... – откестился «деструктор».
- И все-таки хотелось бы ознакомиться, – настаивал Олег.

Хью протер губы матерчатой салфеткой и вместо того, чтобы отложить ее в сторону, почему-то аккуратно расстелил перед собой, отодвинув тарелку. Еще раз выровнял, поправив уголки, после чего отозвался:

- Олег, я думаю, поставим на этом точку и о деталях поговорим на месте.

– То есть, как на месте? Хотите сказать, что переговоры – в Лос-Анджелесе? – приободрился «референт».

– Олег, боюсь, наша беседа подошла к концу. – Хью начал приподниматься. – Мы расстаемся и встретимся в аэропорту через три часа. У вас совсем немного времени на сборы, поэтому поторапливайтесь. Кроме паспорта, мобильного и самых необходимых вещей ничего с собой не брать. Оставьте даже кредитку, она вам не понадобится. Вплоть до посадки в самолет у вас ассистент – Найджел, надеюсь, вам знакомый. Он и позаботится о ваших личных делах после отъезда, включая дом, незавершенные дела, прочее. Компаньону и матери сообщите, когда прибудете на место. Главное же – не паниковать, для беспокойства ровным счетом нет оснований. А вся атмосфера секретности – не более чем меры предосторожности, диктуемые особыми обстоятельствами.

Хотя Олег всегда держал удар и недурственно ориентироваться в сложных ситуациях, он без всякого преувеличения офонарел. В самых смелых фантазиях он не мог предположить, что такого неслабого человека, как он, когда-нибудь разомнут, точно пластилин, и уплотнят той мякиной один из микро-стыков в конюшне мирового бизнеса.

Хью посвятил Олега в детали предстоящего мероприятия лишь в момент захода их лайнера на посадку в стамбульском аэропорту «Ататюрк». Позади остались шестнадцать часов полета и пересадка в «Кеннеди».

Суть проекта заключалась в намерении Азербайджана проложить нефтепровод к одному из удобных для морских перевозок портов, вокруг чего среди потенциальных подрядчиков завязалась жестокое противоборство. Со временем внимание азербайджанцев свелось к двум проектам. Автор первого – российский «Лупойл», второй же проводил в жизнь американский мегаконцерн «Стандарт Ойл». План «Стандарт Ойл» предполагал строительство ветки нефтепровода через Турцию и Ирак, с выходом в Персидский залив. Русские же планировали проложить нефтепровод в турецкий средиземноморский порт Джейхан.

При первом чтении оба проекта казались равноценными, так что американцы полагали, что решение Баку во многом будет зависеть от средств и мастерства лоббирования.

Когда схватка за подряд перетекла в решающую фазу, то обнаружилось крайне любопытное обстоятельство. Если контакты с российской корпорацией широко освещались в прессе и поддерживались в открытую, то предварительные переговоры со «Стандарт Ойл» в Турции

зачались в атмосфере полной герметики – как того требовали азербайджанцы. «Стандарт Ойл» не возражала, хотя и не понимала зачем...

Так или иначе, абрис предыстории сводился к следующему: под прицелом сильных мира сего оказался проект, суливший невероятное корпоративное и личное обогащение. Ну а о контроле над важнейшим узлом геополитического противостояния – и упоминать лишнее.

Тем временем, преодолевая перекресток за перекрестком, «БМВ» Олега летел к отелю «Карлтон Риц», расположенному в деловом центре Стамбула. В эти минуты водителя донимала весьма щекотливая проблема: как провести босоногую Светлану в отель, не привлекая к себе внимание?

Оснований для беспокойства у Олега хватало. Служба безопасности «Стандарт Ойл» отслеживала любые подозрительные контакты сотрудников секретной миссии, о чем ему, конечно же, было известно. Дай им лишь повод – и ворох нудных разбирательств, гарантирован.

Решение задачи вырисовалось внезапно, причем с таким «гарниром» не прогнозировалось вовсе. Фары выхватили несколько слонявшихся по тротуару «ночных бабочек». Притормаживая, Олег заметил, что позади киосков, на скамейках, бездельничают еще несколько «коллег». Остановился и невозмутимо дожидался, когда одна из путан подойдет к автомобилю. Но этого не происходило, более того, на лицах девушек прочитывалось недоумение. Наконец Олег сообразил: он припаркован стороной Светланы, что мешает задуманному. Ведь присутствие женщины в автомобиле мужчины, который ищет в Стамбуле так называемый «околошоссейный» секс, – нонсенс или, по крайней мере, большая редкость. Оттого, спешившись, Олег заторопился к стайке путан, заинтригованных не вполне обычным эпизодом. Сблизившись, обратился:

– How much do you charge?

В ответ раздалось несколько фраз, озвученных на неизвестном ему турецком. Он растерялся, развел руками, не зная, что ответить и как себя вести дальше. Тут, откуда-то из глубины «смены», донеслось по-русски:

– Лорка, он тебя о тарифе спрашивает, по-английски.

– Так ответь ему, раз такая умная! – огрызнулась прилежная зубрилка турецкого.

Девушки расступились, и к Олегу нехотя двинулась вполне благопристойная, совсем не похожая на оторву особа. На чистейшем оксфордском, который можно «подхватить» разве что в стенах маститого университета или в самых что ни на есть «полевых условиях», разъяснила:

– Мы берем двадцать баксов за оральный секс и сорок – за половой акт.

– Я дам тебе пятьдесят, но мне нужны туфли, причем неважно какого размера! – протаторил запальчиво Олег.

– «Туфли» это что – какой-то фетиш или что-то из мазо? Если так, это стоит раз в пять дороже, – едко заметила бакалавр вербального и прочего «языковедения» – на сей раз на арго североамериканских путан.

Соприкоснувшись с ремеслом, где традиционные ценности вывернуты наизнанку, Олег все же не растерялся. Подбежал к авто, взял у изумленной Светланы сумку, извлек из нее сломанный туфель и, вернувшись, объявил:

– Мне нужна пара дамских туфель. И нужна она мне сейчас!

Оказалось, что в эту путаную ночь не один Олег блещет резвостью мысли.

– Сто баксов – и получишь совершенно новые туфли! – без запинки выдала бакалавр английской словесности, одним махом сдавшая (в глазах Олега) экзамен на магистра сбыта.

Спустя минуту Олег уже торопился в свой автомобиль, рассматривая пару однодолларовых пластмассовых босоножек, зачем-то взятых путаной в «рейс», но столь пригодившихся ему.

Олег протянул Светлане целлофановый пакет с босоножками, даже не взглянув на нее, будто стесняясь. Казалось, к нему подкатывал прежний комплекс, а возможно, их целая гроздь. Виной тому была, по-видимому, приближавшаяся развязка.

Между тем его подспудный мир отяготиться не успел: Олега накрыло мощное, электризирующее поле с вздымающимся факелом обожания. Как и в аэропорту, их руки соприкоснулись. Но, пока он не убрал ладонь с рукоятки передач, паркуясь у «Карлтон Риц», не сознавал это. Откровение было столь пронзительным, что водитель не заметил контакт.

Они шли по погрузившемуся в полумрак лобби отеля, светясь дивным счастьем, мало встречающимся у зрелых, выдавших виды людей. Ну а предположить, что пара всего час знакома, и вовсе не получалось. Вместе с тем сквозь марево влюбленности то и дело проглядывал страх упустить обретение, рожденное отчасти в чертополохе сомнений, а где – норовом случая. Когда же ночные спутники добрались до лифта, то утоляться одной лишь близостью в пространстве уже не могли.

Открывавшиеся и закрывавшиеся через определенный интервал двери будто очерчивали границы времени. Их времени. Времени, которого они не могли ни остановить, ни разделить с кем-то. Так что шарахнувшийся в сторону развозчик пиццы, ухмыльнувшаяся call girl*, метрдотель, подскочивший к лифту по подсказке полуночной «секссестры», их упоение лобзаньем не потревожили. С присущей лишь зрелости искушенностью они продолжали упиваться друг другом, без всякого вызова и сохраняя признаки рассудка. Будто это их последний, а посему самый сладостный в жизни поцелуй.

Вспышку страсти прервала трель мобильного. На восьмой звонок Олег ответил, едва оторвавшись от пассии. «Yes», – зло бросил он, но услышал лишь короткие гудки отбоя.

Едва Олег вернул аппарат в карман, как сообразил: звонили из регистратуры. В отеле его прекрасно знали как постояльца-ветерана, обитающего уже шестую неделю, и в компьютере, вне сомнения, хранились его данные. Обижаться ни на кого не приходилось: столь откровенную сцену не потерпел бы любой пристойный отель мира, ну а нравы мусульманского Стамбула, тем более, требовали внушения, пусть оно вышло по-восточному витиеватым, исподтишка.

Его кольнула недоброе предчувствие, что все потуги не подставиться обернулись прахом. Повинен в этом он сам, а точнее, сидящий в нем (и не только!) пучеглазый самец, летающий с подпорок на любую зазнобу. И, конечно же, в самый неподходящий момент... Мысль эта, правда, жила недолго, утонув в их объятиях – пара вновь страстно сомкнулась, как только за ними закрылась дверь лифта.

В коридоре этажа царила тишина, подчеркивавшая торжественный характер момента. Даже кондиционер работал бесшумно, приятно охлаждая их разгоряченные лица.

Войдя в свой апартамент, Олег почему-то минут выключатель в прихожей. То ли сказалась усталость, то ли дала о себе знать его извечная беда – пренебрежение деталями. В потемках он проследовал вглубь номера, намереваясь включить свет в гостиной, но неожиданно налетел на торшер, который горничная, похоже, сдвинула во время уборки. Торшер опрокинулся – раздался звук битого стекла. Грохот вгрызся колючками и в без того взбудораженные нервы – Олега даже покинуло ощущение пространства. Он сделал робкий шаг вперед, но наступил на мерзко хрустнувшие осколки плафона. Замер с гримасой досады на лице, но тут зажегся свет. Увидев у выключателя Светлану, успокоился, испытывая лишь некоторую неловкость за допущенный промах.

Замаячила дилемма: поднять торшер или провести Светлану из прихожей в зал. Он замешкался с виноватой улыбкой на устах, но спустя секунду-другую решил – поднял торшер с пола. Но вместо того, чтобы поставить торшер на попа, пригласил им Светлану войти. Опомнившись, что с «церемониальным жезлом» выглядит нелепо, если не комично, зазвал словами:

– Проходи. Я сейчас уберу.

– Интересно, а как ты это собираешься делать? У тебя что, веник или пылесос имеется? – насмешливо полюбопытствовала гостья.

– Нет, вроде, – согласился хлебосольный хозяин, выставивший вместо ковровой дорожки мелкий бой стекла.

– Горничная завтра уберет! – сориентировала, а может, брала бразды правления Светлана. – Ну и, наверное, торшер можно поставить на пол? Вряд ли он тебе в ближайшее время понадобится...

Олег поставил торшер у стены, прошел к распахнутой настежь двери, закрыл. Вернувшись, он застал Светлану в одном из кресел, рассматривавшую интерьер. Уселся напротив, ощущая что, несмотря на казус с торшером, влечение лишь нарастает. Его глаза блестели, дыхание частило, по телу же носился стук, обжигавший внутри и где-то снаружи.

Светлана выглядела по-иному. Ничто не говорило о взрыве эмоций, обрушившихся на пару четверть часа назад. Лицо спокойное, отстраненное даже. Порой она посматривала на ноги и, казалось, все, что ее по-настоящему занимает: как она смотрится в ядовито-зеленых босоножках на босу ногу, талисмানে их полного интриги знакомства?

Светлана что-то сказала, но Олег не расслышал и мимикой лица попросил повторить.

– Ловко живешь, говорю! – Светлана повысила голос до фальцета. На сей раз слова прозвучали отчетливо, но, не сопроводив фразу движением, отсылающим к интерьеру номера, Олег вновь бы смешался.

– Что ж тут ловкого? – парировал он, усмехаясь про себя неведомой ему этимологии слова «ловкий». – Номер как номер и отель как отель... – Олег хотел было продолжить, но запнулся.

– А ты скромный, совсем не похож на наших «крутых», – немного подумав, заметила Светлана.

– А с чего ты взяла, что я «крутой», как ты говоришь? – усомнился Олег.

Пожав плечами, гостья пояснила:

– Выглядишь так, на лбу написано... Сразу тебя приметил, едва объявился в аэропорту. И обалдела, когда ты по мобильному заговорил по-русски, да еще без акцента. Ну а потом... сам знаешь, что было потом... – Светлана ступала, украдкой поглядывая на свой выбор.

Со дня их встречи в «Ататюрке» Олег ни на минуту не терял из виду облик Светланы, но палитру ее необычайно ярких глаз воспроизвести не мог. Устремляясь к ним, он попадал в поток ощущений, сильных, полных аллюзий, но не ведущих к образу. Ныне же они сидели рядом, на расстоянии вытянутой руки, и, казалось, только и смакуй доступность.

Между тем в этот предрассветный час возобладал не утонченный созерцатель, а импульсивный сластолюб, впрочем, уже засветившийся. Олег вскочил на ноги, обхватил лицо пассии руками и устремился губами к ее глазам. В том порыве уживались безудержная страсть и нежные, выверенные прикосновения. Казалось, эта вдохновенная пластика призвана вобрать в себя свечение, излучаемое взором Светланы (впрямь переливавшимся кристально чистыми изумрудами), дабы навеки сохранить.

Светлана изумилась, но вскоре и ее захватил коловорот вкушения. Она отвечала поначалу робкими, а потом и более откровенными прикосновениями губ.

Новым порывом Олег увлек Светлану – они повалились на пол и, вращаясь дуэтом, покатились по гостиной. Чем-то напоминали вывалившихся из пожара погорельцев, сбивающих с одежды огонь.

Мгновения сменяли друг друга, но их «пламя» не гасло, а лишь разрасталось, оставляя одежду и кожу нетронутой. Точно спасая возлюбленную, Олег не ослаблял объятия, по-мужски властные, увлекающие. Светлана льнула, одновременно чуть вскрикивая от доставляемой вращением боли. В этом безумном танце партнеры, будто растворялись друг в друге. Между тем, казалось, пара скорее страшится утратить притяжение, нежели добраться до конечной в извечном маршруте любви.

Пусть тот клубок страсти ничем не напоминал классическое соитие, из него был единственный выход – извержение, и оно грянуло. Светлана зашлась в гортанных, смахивавших на речитатив звуках, вмиг осадивших партнера. Олег замер, но, не успев переварить выплеск, как сам пустился издавать фонемы, под стать сдавливаемому крику – крику от внезапной боли. Светлана безотчетно рвала ладонями его плоть – на шее, обнажившейся при вращении спине, обращая Олега в безмозглый, утративший контроль придаток, где острая физическая боль причудливо уживалась с новизной прежде неиспытанных ощущений.

Тут, в своих сходящихся на нет конвульсиях, Светлана прикоснулась к колыбели его вождений. Олег вслед за ней задрожал и, поскользнувшись на тонком льду воздержания, полетел по гладкой поверхности – вначале в ватное никуда, а потом и в прорубь омовения. Погружаясь, он вошел до пояса, чуть позже – его накрыло с головой. Вода была клейкой, но столь облегчающей.

Они еще долго лежали на спинах с матовым отливом в глазах, бездумно взирая в потолок. Воздух насыщала какая-то тяжесть, но им было так легко дышать.

Горе-любовники долго приводили себя в порядок в ванной, после чего уселись у журнального столика. На лице Светланы играл румянец, Олег же был бледен, впрочем, как всегда.

Не успели Олег и Светлана перевести дыхание, как индикатор их настроения вновь качнуло. Оказалось, взорвавший души торнадо не спеленал, а расшвырял их. И не произвольно, а по закоулкам юности, зубоскалившей предрассудками, комплексами. Взгляды горе-любовников рассеянно блуждали. В них проглядывал детский конфуз нарушенной условности, граничивший со страхом осмеяния, и, казалось, трепет перед космической громадой дня. Дня завтрашнего, которого так ждешь, но не менее боишься, ибо «что день грядущий нам готовит» не разгадать никому...

Еще какое-то время они глядели куда угодно, только не друг на друга. Между тем Олег заметил, что Светлану увлекла коллекция напитков из бара.

– Помочь тебе с выбором? – на полном серьезе предложил он.

Светлана промолчала, тушуясь.

– В активе, правда, сугубо мужское... Впрочем, может, «Реми Мартен»? – прощупывал предпочтения Олег.

– Мартын, говоришь, главное не «Белый орел», – с игривой ноткой ответствовала пассия.

Хотя Олег не знал, что «Белый орел» – марка дешевой русской водки, каламбур пришелся ему по вкусу. Он заразительно рассмеялся и вскоре вовсю орудовал принадлежностями для застолья. «ХО»* разливался под первые всполохи стамбульского рассвета, и синтез вкусовой и световой гамм в преломлении столь выстраданной встречи распахивал створки новых откровений.

Олег наливал поровну, не задумываясь, и, лишь прочувствовав «первичное размягчение», вгляделся в осваиваемую емкость. В ней – меньше половины, между тем минуло каких-то двадцать минут. Тут его укололо: с начала застолья они не проронили ни слова. Поглядывали друг на друга, улыбались, уходили в себя, возвращались, но почему-то молчали...

Ничего лучшего для сближения, чем объявить очередной «забор», он не нашел. Вскоре в его голове приятно зашелестело, а на устах заиграла шаловливая улыбка – индикатор явно неплатонических помыслов. Кресло Олега – на колесиках, он оттолкнулся и одним рывком

оказался подле Светланы. Почти без усилий приподнял ее, водрузил себе на колени и засуетился самыми откровенными притязаниями. Светлана поначалу прильнула, но вдруг, перехватив его руки, мягко молвила: «Не сейчас». Погрузила ладонь в волосы ухажера, взъерошила.

Естество «Ромео» раздвоилась. Мужская составная доблестно гарцевала, но от Светланы вдруг повеяло таким уютом, что он, лапаясь, уткнулся ей в грудь. Чуть было не замурылкал, когда услышал:

– А ты правда из Америки?

– Правда, – в грудь спутницы констатировал он.

– Давно там живешь?

– Лет двадцать. А до этого жил в Израиле. – Олег отстранился, дабы запечатлеть реакцию.

– Израиль – это там, где все время воюют? – Светлана чуть хмурилась, будто путаясь в своих познаниях.

– Ну, не все время, но случается... – пояснил ухажер.

– Там ты воевал? – не унималось любопытство.

– Не довелось, – сознался кавалер, распрощавшийся с призывным возрастом четверть века назад.

– В Америке, чем занимаешься? – перепрыгнула из физического в экономический раздел географии пассия.

– Продаю горячее, – сообщил перековавшийся лингвист и негромко хмыкнул.

– Так ты что, заправщик?! – не скрывала своего разочарования Светлана. Чуть сдвинулась даже, будто намереваясь сползти с колен.

Ох уж эти командировочные – аферист на аферисте...

– Самый что ни на есть заправщик, только старший, – разъяснял с каменным лицом Олег. – Что-то вроде директора бензоколонки. Так, по-моему, это раньше называлось...

«Ложной» скромности ухажера можно было лишь позавидовать. Вместе с тем твердым, но вполне пристойным движением он вернул Светлану на прежнее место. Знай, мол, наших! «Заправщики» – народ тертый...

– А в Союзе ты откуда? – развеяв ложную тревогу, поинтересовалась Светлана.

– Родился на Украине, но последние восемь лет жил в Минске, – справно, словно кадровику, отвечал «бывший».

– Кстати, сколько тебе?

– Сорок восемь.

– Выглядишь моложе... – Светлана тяжело вздохнула. Нечто переосмыслив, спросила: – В Союзе у тебя девушка была?

– Была.

– Где она сейчас?

– Понятия не имею!

– Ты что, ее не любил?

– Боюсь, твой вопрос запоздал... Давно это было, не ответить уже. Да и уезжал я... Просто пути разошлись... – нехотя ворошил прошлое «король бензоколонки».

– Одному в неизвестность, не страшно ли было? – разлилась материнской печалью пассия.

– Не один уезжал, с мамой и братом. К тому же в Израиле через год женился, – точно прыщеватый недоросль предметно рубил Олег.

– А твоя жена красивая?

– Если имеешь в виду сейчас, то не знаю. Года четыре как не виделась. В молодости, наверное, была красивой, – тень застаревшей боли мелькнула в лице ухажера.

– Ты развелся с ней?

– Нет.

– Так как же?

– Мы... separated. Похоже, я не знаю, как это по-русски. Separation – это, когда супруги расходятся, но вопрос раздела имущества оставляют на потом, формально оставаясь в браке. Кстати, незадолго до своей смерти принцесса Диана стала separated. То есть, в дословном переводе она и принц Чарльз отделились друг от друга.

– Ты сейчас один?

– Можно так сказать.

– По родине скучаешь?

– Твой вопрос слишком интимен, – разрываясь между неким подспудным бременем и улыбкой заметил Олег. И уже, всюю скаля зубы, подытожил: – Но если *ты* олицетворишь мою родину, то скучаю, даже очень. В особенности, последние десять дней!

Светлана зарделась, ощутив свою избранность, без которой женское житье-бытье – вытье сплошное. Всколыхнулся и Олег, отметив про себя, что разговор ладен, и он готов хоть сутки напролет со Светланой болтать. Так что не плотью единой...

Между тем вскоре они слились в поцелуе, чувственно насыщенном, полным влаги вкушения. После чего вглядывались в друг друга, пытаясь найти ответ на извечный вопрос влюбленных: «Кто мы и что уготовила нам судьба?». Но, похоже, ничего не разгадав, двинулись в обнимку, куда глаза глядят.

По пути Олега и Светлану накрыло волной косящей усталости, и они едва доплелись до дивана. На часах – шесть утра. Ближайшие четыре часа пара не пошевелится и не произнесет ни звука.

Олега разбудил телефон, настойчиво звавший куда-то. С головой, весом в чугунную болванку, он сновал по номеру в поисках сотового, пока не разобрался, что мобильный здесь ни при чем – звонят на гостиничный номер. Сотовый ведь пиликает по-иному... Он выругался вслух: «Fuck... твою...». И чуть не прыснул от «перла», который мог выпорхнуть разве что с усугубленного «Мартыном» недосыпу. Но желание хихикать улетучилось, как только в трубке раздался голос секретаря протокольной части переговоров:

– Господин Левин, сегодняшнее заседание состоится в 11:00 на прежнем месте.

Олег вежливо поблагодарил, ощущая при этом мерзкий холодок в груди. Сомневаться не приходилось: о его романтической связи проведала служба безопасности «Стандарт Ойл», инициировавшая этот весь шитый белыми нитками звонок.

Любые упоминания по телефону о переговорах, даже косвенные, строго-настрого воспрещались. А тут открытым текстом, по открытой линии, нелепейшее напоминание о заседании, которое полтора месяца проходит по одному и тому же регламенту. Из чего следовало: на взгляд безопасности, возникла нештатная ситуация. Иначе не истолковывался их непрофессиональный, полуистерический выбрык – ведь все контакты и согласования происходили устно, на самих переговорах. Там же зачитывались и инструкции – как руководителями делегации, так и службой безопасности.

Тут Олег озадачился: «Что, в общем-то, произошло? Ну, появился я в отеле в полтретьего ночи с привлекательной особой. Что в этом необычного? Сам Хью недавно намекал, что готов подействовать в подборе девушки из проверенной эскорт-службы и, конечно, взять на себя все расходы. Я тогда отмолчался, Хью же хватило деликатности не педалировать столь интимную тему. Откуда конвульсии? Что-то явно не так... Ровным счетом ничего из ряда вон. Неужели яркая внешность Светланы, запечатленная видеокамерой, настолько их всполошила?»

Олег недоумевал, не в силах связать концы с концами происшествия. Рассредоточившись вовсе, он почему-то обратился к языковым сопоставлениям. Прозвучал недавний неологизм, возникший на пересечении двух ненормативных лексик. В результате он отметил, насколько

русский аргю богаче английского. Чуть позже пронеслись еще какие-то сочные слова и фразы, и, наконец, его осенило: «Русский... они услышали, что Светлана говорит по-русски. Вот что вывело их из равновесия!. И причина здесь одна: номер прослушивается! А не задумывался я об этом потому, что говорить было не с кем».

Круг замкнулся, прояснив Олегу, почему так занервничали хозяева. Да и, понимал он, скрипя сердце, немудрено. Недавно зам. руководителя службы безопасности известил делегацию, что «Лупойл» разноухал об учрежденном «Стандарт Ойл» проекте нефтепровода из Азербайджана в Ирак и ведущихся между сторонами переговорах. Заметил при этом, что утечка пока не локализована, доставляя службе жуткую головную боль. Не далее же как позавчера, Хью на общем собрании призывал к бдительности, предостерегая, что провокация со стороны «Лупойла» – вопрос времени.

«Посему, – продолжал обкатывать событие Олег, – услышав в микрофоне русский и воспроизведя через видеозапись облик привлекательной женщины, посетившей номер одного из не последних участников переговоров, „особисты“ „Стандарт Ойл“, не вдаваясь в подробности, посчитали Светлану российской лазутчицей и объявили сигнал SOS. Ситуация осложнилась еще и тем, что в американской делегации никто не знает русского и, похоже, до девяти утра перевода у них не было, что неудивительно – в Америке царила глухая ночь».

Судя по поступкам и образу мышления, Олег нечетко представлял, что из себя представляет современная спецслужба, использующая технологии и средства слежения, которые отрабатываются годами. Иначе вел бы себя по-иному. Любой профессионал, пронаблюдав его полуночные потуги с поиском туфель снисходительно улыбнулся бы, посчитав их трогательной любительщиной или детской игрой в конспирацию, ко всему прочему, сведенной на нет сценой у лифта. Так что, как пить дать, лучше, если бы Светлана явилась в «Карлтон Риц» босой...

Между тем Олег, в отличие от своих коллег-оппонентов, не пустился во все тяжкие, ибо взирал на свое будущее здраво. Он доподлинно знал, что, перекинувшись, словно мяч, из одного полушария в другое, еще долго, если не всю жизнь, будет согласовывать свои планы с намерениями, рождаемыми на его счет в штаб-квартире «Стандарт Ойл». И это при благоприятном развитии событий, а при неблагоприятном... Тема настолько измочалила его за последний месяц, что недавно он нашел противоядие: обложили – не ищи лаз, иди по прямой и, смотришь, расступятся. Как продукт идеологии безбожия, молиться он не умел. Впрочем, и не хотел, немало пожив на этом свете, ничем свое божественное происхождение не выказывающим...

До начала заседания – сорок минут. Что предпринять и какую линию поведения выбрать, он не знал. В растерянности Олег посмотрел на Светлану – она спала, но лицо пассивности отнюдь не источало негу. Казалось, ее сон будоражит противостояние, схватки с невидимыми демонами. Она то хмурилась, то потешно сосредотачивалась. На виске нервно пульсировала синяя жилка. Он подумал: «Если бы наша то и дело ойкающая на подводных камнях жизнь могла преобразиться во сны, пусть злые, чреватые опасностью, но которые одной волной смоеет пробуждение, не оставив и следа».

Эта заурядная, ни на что не претендующая мыслишка Олега несколько ободрила. Ему показалось, что он достаточно собран и готов принять вердикт судьбы, каким бы суровым тот ни был. Нужно лишь привести себя в порядок и двигать на работу, как он это делает каждый божий день. Олег понимал: это все, на что он способен. Ведь тягаться с его кураторами, жонглирующими судьбами мира, не получалось – хоть вой...

На сборы ушло не более четверти часа и, надевая часы, он удовлетворенно отметил, что в привычный график укладывается. По привычке похлопал себя по карманам, удостоверился, что все на месте, устремился к выходу. Почти взялся за дверную ручку, когда прошибло: «Светлана! Как же так... Я что – оставлю ее одну, по сути дела, беззащитную? Неужели все так по-

скотски устроено, что в сокровеннейший для души момент ты подобен киборгу с впаянным чипом, неотвратимо ведущим на «списание»?

На лице заходили желваки, а губы скривились – то ли в презрении, то ли от отчаяния – было не разобрать. Олег резко повернулся, сделал уже первый шаг к Светлане, но застыл, переваривая ее новый лик. Он видел лицо женщины, означенное гордой миссией воспроизводить себе подобных, сочащееся весной, но с побегами увядания, и ко всему прочему – незамысловатое, как искренность примата. Лицо, заземленное повседневностью бытия, и, может, потому столь манящее к себе, истоку.

Глубоко взволнованный, он услышал внутренний голос: «Хорошо, порушишь ты ее живительный сон, но как посмотришь в глаза, что скажешь? От твоей влюбленности не осталось и следа. Хоть и не дрожишь от страха, но весь там – один на один с Хью и его командой, в потливом напряжении души и конечностей. Может, расскажешь ей о „Стандарт Ойл“, азербайджанской нефти, да она, не исключено, что за зверь такой „Лупойл“ не знает. Есть еще средство: мычать либо дозировано врать, чего ты никогда не делал. Напиши записку, так будет лучше».

Олег подошел к столу, вырвал из кляссера лист и размашисто написал: «Вернусь через три-четыре часа. Еда и напитки в холодильнике. Не скучай, дождись. Целую». Но когда он просунул лист под настольную лампу, его словно за шкирку приподняло: «А ты уверен, что вернешься? Не отправят ли тебя первым же самолетом в Америку или в местную психушку, а то и к праотцам – волею обстоятельств?». Олег жестко скомкал бумагу, бросил ее в стоявшее под письменным столом мусорное ведро.

«Перспектива» настолько Олега сразила, что всю дорогу он пребывал в полузаторможенном состоянии, мало что видя вокруг. Не заметил даже, что в лобби его дожидались двое – мужчина и женщина. Запечатлев «объект», пара разделилась. Мужчина отправился на внешнюю, примыкавшую к отелю стоянку, где сел в красную «Тойоту»; та висела у Олега на хвосте до тех пор, пока он добирался на работу. А одетая в форму горничной женщина вошла в лифт и нажала на кнопку одиннадцатого этажа, откуда Олег только что прибыл.

Глава 3

Стандартные, необходимые для покрытия расстояния полчаса пролетели для референта незаметно, и он слегка подивился, обнаружив себя перед воротами штаб-квартиры переговоров – особняком, укрытым от людских глаз высокой оградой и буйной южной растительностью. Когда успел? Будто из «Карлтон Риц» катапультировался... Очередной сюрприз – расторопность секьюрити, поспешно и даже угодливо распахнувших створки. Между тем, въехав на территорию, он насторожился. На стоянке – ни одной машины азербайджанской делегации, да и прочих всего четыре... Но голову ломать себе не стал – мало ли что...

В прихожей он уже физически ощутил несходство сегодняшнего утра с привычной атмосферой: из огромной приемной, где в это время жизнь бьет ключом и сует вспомогательный персонал, не доносилось ни звука.

Заливавшее зал – через панорамное окно – солнце его ослепило, так что поначалу он не заметил двух мускулистых парней, подпиравших массивный стол секретариата, у дальней стены справа. Приспособившись к свету и оглядевшись, откровенно растерялся: а эти кто? Да и как понимать: помимо них троих, в приемной пусто...

В замешательстве он рассматривал незнакомцев. Через секунду-другую заключил, что молодцы – прирожденные специалисты рукопашных «переговоров», ну а сам переговорный процесс с азербайджанцами приостановлен, коль раз зал пуст.

Олег все еще переваривал смену декораций, когда услышал от одного из бойцов:

– Доброе утро, господин Левин. Господин Кейдж (фамилия Хью) намерен с вами встретиться. Но сейчас, к сожалению, занят и просит оказать вам всяческое содействие. Мы проводим вас и будем в вашем полном распоряжении. Кстати, вы завтракали? Если нет, мы позаботимся об этом.

Олег понуро направился к ведшей на цокольный этаж лестнице, именно там, внизу, квартировалась служба безопасности. Поворачиваясь, он увидел, что «дозорные» удивленно переглянулись, но заторопились за ним вслед.

В ожидании «собеседования» Олег просидел добрых два часа, не ощущая практически ничего. Да и немудрено после столь бурной, полной душевных зигзагов ночи: фиаско отвергнутого, нежданное обретение возлюбленной и, наконец, съезд в бездну, где карусель искрометного восторга оборвало хмурое прозрение, что он – отнюдь не зависимый поденщик, а узник просвечиваемой одиночки, откуда пока выпускают «проветриться». Подушав от рулетки метаморфоз, Олег напоминал безликое производное, скатившееся к вялым, едва овеществляемым рефлексам. Глаза глядели в одну точку, губы шевелились, проговаривая нечто невразумительное, а руки то обхватывали затылок, то скрещивались на груди. Отрешенность казалась столь всеобъемлющей, что соглядатаи, едва расположившись с ним в комнате с решетчатыми окнами, об обещанных жестах внимания забыли и лишь с ленцой поглядывали на него. Довлело ощущение, что они сами невольно погружаются в состояние подопечного.

Атмосферу убаюкивающего пофигизма нарушил скрип открывающейся двери. В проеме – Хью, изможденный, растрепанный, да еще небритый. Явно разомлевшие черберы как ошпаренные вскочили со своих мест. Крайний к двери просеменил к Хью и добрую минуту нашептывал шефу на ухо, второй же – в профессиональном раже – демонстративно придвинулся к «подследственному». Самому «объекту» на весь переполох было наплевать. Лишь мельком взглянув на «генинспектора», продолжил бесстрастно буравить стену напротив.

В это утро Хью был неузнаваем не только фасадом: порывался то сесть, то прислониться к стене, в конце концов, не нашел ничего лучшего, как взгромоздиться на стоявшую в углу амфору. В столь странной позе напоминал нечто среднее между поставленным в угол школяром и нераскаявшимся, посаженным на кол злодеем.

– Знаете, Олег, мне всегда с трудом давались русские имена, видно, из-за их языческой многосложности или из-за чего-то другого. Да и сами русские, с их разболтанностью и непредсказуемостью, не вписываются в рамки разумного, – с мало скрываемым раздражением изрек, морщась, Хью.

«Подследственный» безвольно просунул руки между колен и, казалось, не намерен отзывать. Чем-то смахивал на буку, разобидевшегося на всех и вся. Между тем вдруг выпрямился и с места в карьер выдал:

– К чему вы клоните?! Я не русский, о чем вам хорошо известно, да и при чем здесь русские?! Вы что, разворачиваете диспут о вкладе этносов в мировой прогресс или в голову ударила кровь предков-южан? А, Хью?

Впервые услышав голос «подследственного», сторожа захлопали глазами – тот звучал явным диссонансом состоянию, в котором Олег еще недавно пребывал.

Должно быть, этот резкий, как пощечина, ответ помог Хью собраться. Он встал, властным жестом потребовал у ближнего к Олегу цербера освободить стул и уселся напротив явно несправедливого спорщика. Когда их взгляды сошлись, на референта глядел прежний Хью, холодный, жесткий, отреставрировавший свой привычный имидж – гробокопателя в строгой судейской мантии.

– Олег, мне нужно все об этой женщине, во всех деталях, от начала и до конца! Как ее зовут? Свит... лэн (читая по бумажке). My God! What's that? Sweet lane?!* – запнувшись на «Свит... лэн» Хью словно раздвоился, изображая то начальственный гонор, то рвущийся изнутри, едва сдерживаемый смех. Его глаза охамели, линия губ заиграла и, наконец, он, полный ехидства, спросил: «Is this lane really sweet, buddy?»*

Лицо «задержанного» застыло, приморозив полуоткрытый рот. Тем временем в его сознании друг за другом всплывали персонажи из армейской службы – все как на подбор морально ущербные, кто из утробы туп и зол, а кто – подл и вероломен по наущению. Никогда – ни до ни после – он не ведал таких унижений, как тогда, в бытность солдатом, не проглатываемых в силу своей бессмыслицы, оттого непереносимых до скрипа суставов. Вот и сейчас, совершив кульбит, судьба вновь пихнула его в круг осмеяния, где одни подглядывают за ним через замочную скважину, другие же вытирают об него не столь ноги и руки, как «подтирают» им кое-что другое... Но, как и во времена за краснозвездным забором, Олег отбилась кратко и красноречиво: «Пошел ты на..., пидор!». Хоть и произнес на неудобоваримом для Хью языке, но был понят, причем всеми и сразу...

В комнате, где трое противостояли одному, воцарилась тишина. Хью окаменел в нелепую скульптуру: гибрид брюссельского писающего мальчика и мыслителя Родена. Встревоженные же не на шутку бойцы торопливо посматривали на патрона, ожидая услышать команду.

Но команды не последовало. А повисла пауза, в течение которой оживший лик Хью попеременно вбирал в себя цвета радуги, пока, «не отцветя», пришел в норму. Одновременно к нему вернулся и дар речи.

– У меня есть примета, господин Левин. Если рабочий день начался рано, он нерезультативен. Вот и сегодня явно не тот день...

Последние фразы он произнес на французском, который, судя по реакции соглядатаев, те не знали, на что и рассчитывал говоривший.

Хью встал, прошел к двери, где остановился.

– Приезжайте завтра к девяти, – продолжил по-французски Хью с ноткой извинения, – и, ради бога, выложите все о вашей связи моему заместителю Джеффри. Обещаю, он будет предельно тактичен. И запомните: *мы* ваши друзья и никто другой! Впрочем, ... *a la guerre comme a la guerre**. Вы достаточно умны, чтобы не оспаривать это... – Дверь за Хью и свитой беззвучно закрылась.

Олег еще долго не осознавал, что соотечественники по паспорту убыли, и в комнате он один. Его занимало совсем не американское раздумье: какова зарплата этой гниды Хью – комара-кровопийцы, никогда не делающего ошибок, или почти никогда? На одном дисплее зажглось пятьсот тысяч, на другом – эта цифра удвоилась, но, так и не определившись, он чертыхнулся про себя: «Пусть подавиться!»

Покидая особняк, солдафонских замашек полемист взглянул на себя в зеркало и... опешил. На него смотрел не степенный бизнесмен средних лет, а задиристый петушок с солдатской пряжкой наперевес – из затхлой каптерки былого. Он похлопал себя по щекам, усмехнулся и, как в юные годы, вприпрыжку побежал к автомобилю. Ему казалось, что худшее уже позади. Он не знал, насколько заблуждается...

По дороге в гостиницу он поймал популярную в то лето мелодию, и его естество, воспрянув, сладко задышало. Торжествуя, он понесся по лугам любимой им Швейцарии, как часто шутил – навесному мосту, ведущему к путешествию в рай. Перед Rheinfall* его посетило: всей жизнью, хоть и путанной, но на поверку достойной, он заслужил свою судьбу, несомненно, приметную, где особняком высятся встреча в «Ататюрке» и вчерашняя ночь. В эпилоге же у него главный приз – билет в тот самый рай. Только не из Женевы или Люцерна, а из Стамбула, впрочем, какая разница, откуда и почему!

Его не минуло опасение, что недавняя уступка Хью, возможно, притворный, мало что значащий жест. Ведь Светлану они давно могли изолировать и вдоволь «пообщаться». Но на этой мысли он заикливаться не стал: мол, слишком вольное допущение.

Где-то на полпути, Олег заметил, что по пятам за ним следует красная «Тойота». Отмахнулся он и от «хвоста», по-прежнему полагая, что главное сражение выиграл и иммунитет свой отстоял. Посмотрев разок-другой в боковое зеркало, подумал: «Тявкайте-тявкайте, цапнуть не посмеете...»

Когда «БМВ» заезжал на подземную стоянку отеля, бобина его напевов отмотала полный цикл. Музы вдруг замолкли, воскрешая смятение, одиночество. Пустоты прибирали страхи, несвежие, прогорклые, перекладные.

Замельтешила улица детства, знаменовавшая символ первожданной ущербности жизни. Там первые идеалы рушились, не успев опериться, зависть правила бал, затаптывая суверенитет и новизну. Олег боялся своей улицы и тихо ее презирал. Она знала его триумфы, но чаще – горькие слезы и кровь. Он тянулся к познанию, и за одну непохожесть его ненавидели. На улице детства ценилась грубая сила да тупоголовая удаля. Он не отличался ни тем, ни другим. Даже его чемпионство в спорте не бралось в расчет. Ведь то был не бокс или прочий зубодробильный кураж. Но он знал, что лишь *эта* улица ведет в манящее завтра и никак ее не обойти и не срезать кусок. Только по ней, до конца, до вокзала, но как был мучителен шаг, и кривилась душа от исподлобья взглядов и дел-делишек.

Вот и сейчас, как он ни силился, не мог вырваться из репейника непогашенных и толщей времени обид, сливаясь с креслом. Где-то же, на периферии, проступало все отчетливее: «Светланы в номере может и не быть – умыкнули, как и его, на дознание, в средствах совсем не стесненное. Засланец „Лупойла“, куда не смотри, возмутитель писаных и неписаных норм, хоть и состряпаны те отпрысками людоедов... Не запятанный же дипломант „Торговой палаты Калифорнии“ и не последний в штате филантроп коленкор иной все же...»

Тем временем мало-помалу набухало: «А позволят ли тебе туда войти, ты что – риторике Хью веришь? И стоянка место подходящее, как-никак под землей...»

«Ну, дружище, пройти-то всего до лифта и нажать на одиннадцатый этаж. Оживай! – взбадривал он себя. – Выше голову и подумай: где твоя улица? В бедной, несытой стране? Ну а где ты, наверное, помнишь. Доказал ведь, что можешь многое, оставив свою „улицу“ позади, на обочине удачи».

В лифте Олег ехал с шумной испаноговорящей компанией – то ли музыкантов, то ли иного богемного люда, но коридор его этажа был пуст. Лишь в холле скучала горничная; она потупила взор, едва его увидев. Тут же отпечталось: «Кто это? Прежде не встречал...» Но зуд сопоставлений и ассоциаций не проявился.

Дверь в номер оказалась незапертой. Он определил это по крохотному зазору – прежде, чем взялся за дверную ручку. Раскрыл все же, не раздумывая.

Светлана лежала на диване, спиной к нему, и не реагировала на вторжение.

Он учуял запах химикатов, резкий, терпкий, заполонивший все вокруг – тотчас рептилия страха распахнула свою пасть. Страх позвоночного, без всяких всхлипов и соплей, заглатывающего добычу целиком.

Олег стоял посреди комнаты и мелко-мелко дрожал – коленями, кантом бумажника, пуговицами на рубашке. Цепь ужаса разорвал донесшийся из коридора смех. Соседи, пара молодоженов, этнические турки из Германии, по-видимому, возвращались с пляжа. Ощутив незримую подпору, силился разогнать дрожь, но получалось не очень. Все же на квелых ногах двинулся к дивану и, изгибаясь, заглянул Светлане в лицо. Оно казалось неестественно бледным, но этим он пренебрег. Светлана спала, подавая признаки жизни, прочие же соображения дружно зарылись в норы.

Недопитую за ночь бутылку Олег опрокинул одним залпом, не поперхнувшись и не пролив ни капли. Откинувшись на спинку кресла, почему-то держал ее в руке, погружаясь в пену одурения, впрочем, смачную. Добрые полчаса норовил куда-то «выплыть», но мысли гасли, не успев явиться. В венах гулко пульсировала кровь, голова то вскидывалась рывками, то опускалась. Он был пьян.

Охмеление миновало свой пик, и его привлекла лежавшая на кресле дамская сумка, распахнутая настежь. Оттуда выглядывал предмет, чем-то напоминавший записную книжку красного цвета. Олег тотчас вспомнил, что, когда он утром покидал номер, сумка лежала там же, но была застегнута. Так его посетила первая связная мысль – с тех пор, как он оглушил себя ударной дозой алкоголя.

При более близком знакомстве «записной книжкой» оказался российский паспорт Светланы. Страницы паспорта пестрели штампами аэропортов Москвы, Стамбула и, к удивлению любопытствующего Олега, китайских пограничных пунктов. Он вернул паспорт на место и, поколебавшись, закрыл сумку.

Запах химикатов продолжал резать ноздри и, переключаясь с орнаментированным орлом паспортом, ускорил разгадку. Олег ни на йоту уже не сомневался, что свершилось в номере в его отсутствие и почему Светлана так крепко спит. Его пронзило: не упустил ли время? Но страхи утонули в спорых усилиях разбудить Светлану.

Между тем привести ее в чувство не удавалась еще добрую минуту – Светлана упорствовала пробуждаться. В конце концов издала пару невнятных звуков, преобразившихся в милое бормотание, а чуть позже – в непарламентский лексикон, столь активно «репетировавшийся» в Стамбульском аэропорту. Олег нервно заулыбался, поняв, что пробуждение не за горами, что не заставило себя ждать.

Светлане стоило немалых усилий принять горизонтальное положение и доплестись до ванной комнаты. Когда же, вернувшись, пассия вновь улеглась на диван и закрыла глаза, Олег допетрил, наконец. Хлопнув себя разок-другой по лбу, вскочил на ноги и в считанные мгновения распахнул в апартаменте все окна. Дав разгуляться сквозняку, выискивал, какую еще «санобработку» предпринять.

– Который час? – подала голос Светлана.

– Пятый... – Олег откликнулся далеко не сразу. Похоже, не верил в скорое возвращение к гостье пульса дня.

– Утра? – промурлыкала гостья.

– Нет, дня, – уточнил Олег.

– Дня?! – вскрикнула, приподымаясь, Светлана.

Референт мял прихваченную в спальне рубашку, не зная куда ее деть.

– Отвези меня в гостиницу! – скомандовала Светлана, усевшись.

– И не подумаю! – точно близкий родственник отбоярился референт.

– Тогда вызови такси! – подкинула новую вводную дама сердца.

– Никуда не поедешь! – продолжал хозяйствовать квартиросъемщик.

Светлана диковато замахала руками и вскочила на ноги, бранясь:

– Понимаешь, что несешь?! Это ты прохлаждаешься, а я здесь – по делу! В гостинице товар, и не только! Предлагаешь все бросить, чтобы растащили?

– Да что там у тебя... – возразил, едва сдерживая издевку, Олег.

Светлана гневно блеснула зрачками, но подавила афронт. Сбивая градус перепалки, примирительно села.

– Заждались меня там... Не ровен час, в полицию заявят: человек исчез, никого не предупредив.

Олег промолчал, сникнув перед столь простым, но исчерпывающим аргументом, да и не любил он долгих препирательств. Достал из-под стола свой кейс, извлек электронную записную книжку, предложил:

– Давай, позвоним к тебе в гостиницу и сообщим, что с тобой полный порядок.

– Да у меня сроду их телефона не было! Зачем он мне? – не могла взять в толк постоянца-ветеран и, впрямь никогда в «Инам» не звонившая.

– Зато у меня есть! – возгордился запасливый воздыхатель.

– Откуда он у тебя? – засомневалась увязшая в примитивном натурообмене челночница.

– А ты не догадываешься? – подначивал пессию референт.

– Ах, да, захаживал... А потом отвезешь меня? – воспламенилась своей выгодой Светлана.

– Отвезу.

– Тогда ладно...

Набрав номер, Олег протянул мобильный гостье.

Прежде чем нужный абонент откликнулся, телефон на той стороне неоднократно передавался от одного лица к другому. Каждый раз Светлана излагала просьбу с самого начала на причудливой смеси адаптированного русского и отдельных турецких слов. Вовсю уже сквозило раздражение, когда искомое лицо отозвалось.

– Наконец-то! – с облегчением выдохнула в трубку она. Ну а чем огорошил собеседник, сообразить было несложно. Попытки Светланы оправдаться блокировались мощным потоком слов. Обрывки гневных, озвучиваемых Витяней тирад, доносились и до Олега:

– Да я весь тут... Нырнула... Впаривать не надо!

Страстный монолог оборвала фраза:

– Я тебя, Витек, в сторожа не зазывала, надеюсь, помнишь, что сам напросился?

О чем приятели беседовали дальше, Олег, развеселившись, не слушал. Он представил, как сейчас преют аналитики и переводчики за океаном, препарируя этот камнепад слов, отдающий бытовой склокой и модерновым жаргоном. Завидовать было нечему...

Между тем веселье длилось недолго. Экс-переводчика нечто огрело, словно обухом, до красных прожилок в глазах.

За последние сутки Олег чуть ли не повторно преодолел брестскую таможенную образца 1979 г., и неудивительно, что в какой-то момент в натруженной до волдырей душе что-то треснуло, разошлось. Из прорехи высунулась гидра ревности – чувство, ему до сих пор незнакомое.

В эфирной дымке проявился Витяня, при встрече воспринятый развязным (скорее как дань моде), но не злым парнем. Возрастом намного моложе Светланы, не говоря уже о нем

самом. Провинился же Витяня лишь тем, что воздыхал по той же, что и наконец dospевший ревнивец, пассии. Мутя рассудок, ярость долбанула по клапанам разума, дав выход животному, дурному.

Олег подался вперед в стремлении вырвать у Светланы сотовый и растоптать его до полного измельчения, когда увидел, что... аппарат лежит на диване. Прочувствовав, что с обмишулившимся референтом-синхронистом сотворилось нечто неладное, она благоразумно оборвала беседу.

Светлана излучала симпатию и доброту, но без всякого налета интима. Референт же блеснул, как свежесвыструганное полено с двумя мутными сучками вместо глаз.

– Олег, ты уходил сегодня утром? – обратилась Светлана, завязывая скорее куртуазный, нежели деловой разговор.

– Да, ходил по делам, – буркнул вновь обращенный ревнивец.

– А что, у человека на отдыхе могут быть дела? – брови Светланы чуть вздернулись.

– Я здесь не на отдыхе, а по работе, – дулся, как выяснилось, асинхронный переводчик-референт.

– Говорил, что живешь и работаешь в Америке... – заметила как можно нейтральнее, оказалось, совсем не взбалмошная зазноба.

– В Америке, конечно, но и здесь дела. – Олег нахмурился.

– И долго будешь в Стамбуле? – возжелала определенности Светлана.

– Пока не знаю... – Референт вздохнул, барражируя где-то.

– Тебе здесь нравится? – спросила, не исчерпав этикет, пассия.

– Я из той породы, которой хорошо только дома... – источал хандру референт. Должно быть, гидру срубить не удавалось...

– Ты чем-то расстроен? – Казалось, Светлана, сама материнская отзывчивость, готова гладить буку по головке до утра.

– Скорее устал, – неохотно отбивался референт.

– Ну, я же вижу, тебе плохо! – напирала в «родительском» раже Светлана.

– Пустяки. – Олег невесело отмахнулся.

Светлана принялась рассматривать маникюр на ногтях. Все еще любясь световой игрой лака, пустилась в сказ:

– Знаешь, когда ты ушел, мне приснился сон, странный какой-то, ни на что непохожий. Будто дверь открывается, и женщина в акваланге, но без ласт, тихо-тихо прокрадывается в номер, смотрит на меня. Садится в кресло, роется в моей сумке. Хочу встать, забрать сумку, но не могу. Вспышки какие-то, точно фотоаппарат, одна, другая, третья... Я проваливаюсь, а там ночь, темень непроглядная. Не помню больше ничего... Не забыть спросить у подруги, что все это значит...

– А во что женщина была одета? – уточнил хозяин, как ни в чем не бывало.

– Вроде бы в синий халат, – ответила дама сердца.

Так мозаику размышлений Олега о том, что произошло «Карлтон Риц» в его отсутствие, замкнула последняя, недостающая деталь. Сидевшая на этаже горничная носила униформу того же цвета, что и персонаж из Светланиного «сна».

Не зная, куда себя деть, Олег неуклюже топтался в окрестностях дивана, но в конце концов примостился рядом с пассией. Понуро сидел, не прислоняясь к спинке, и мало напоминал того переполненного страстью Ромео, которого прошлой ночью люди Хью номинировали на титул самого экстравагантного любовника, по крайней мере, с начала электронно-оптической эры. Похоже, подразумевали его возрастную категорию...

Он был скован, и ему было стыдно. За недостойный его «кудрявой» природы срыв, пусть ни во что не воплотившийся, за то, что привел Светлану в номер, нашпигованный видео- и радиоаппаратурой, и превратившийся в пип-шоу, в общем-то, стандартного дорожного

романа. Но куда сильнее за то, что их невольное обнажение омерзительно и гадко, поскольку... дефектна и жалка сама жизнь, наставляющая рога на каждом мало-мальски значимом перекрестке. Сам же он лишний, анахроничный человек, неприкаянный, мятущийся. И зачем все это, и для чего, и что-то там еще и снова...

Застрявший между этажами самобичевания и поиска истины, Олег, казалось, вывалился из руслу встречи. Его же спутница в открытую ему сострадала: ободряюще заглядывая в глаза и по миллиметру придвигалась, пока не сблизилась вплотную. По-детски прислонила голову к плечу соседа, обняла за талию. Но отклика не последовало – на душе референта все еще было пусто и бескрыло. Эхо не звучало даже...

Рука Светланы пришла в движение и стала нежно-нежно ласкать грудь, живот Олега, а потом и ниже.

Он вернулся в бранный мир, катапультировавшись из своего неоткуда, когда полкомнаты было устлано их одеждой и каждая клеточка плоти звенела от предчувствия чего-то грандиозного, приобретенного небывалую остроту на фоне недавней душевной анемии.

Обнажившись, они вцепились друг в друга в одержимости перезревшего желания и, казалось, готовы были отречься от всех табу. Между тем в каждом движении уживались как сумасшествие, так и изящная пластика, что являло причудливый симбиоз стихии и разума. Светлана ублажала партнера ритмичным скольжением тела и не угадывалось: она жаждет впитать мужскую силу или отдать свою? В это время Олег, погружаясь в нее жаркими ладонями, ваял фигуры, передававшие скорее изысканный ритуал, нежели выброс подсознательного. Светлана то и дело стонала от возбуждения, пробиравшего ее до корней волос.

Все, что последовало потом, Олег не помнил или почти не помнил, поскольку совокупление как таковое его влекло не больше, чем путь к разрядке, биологически заложенный одним из признаков вида, ну и, вне сомнения, им двигал утилитарный долг перед партнершей. Весь его образ, по большей мере опрятный и по-юношески ранимый, чурался бульдожьих толчков, захватов самки и выделений похоти, почему-то утаиваемых творцами в их одах о Любви. Да, Олег понимал, он никто иной как молекула вселенского шабаша плоти, в силу незрелости социума укрытого от науки невольничьей ширмой межполовых отношений. И нисколько не сомневался, что его явление на свет – самый что ни на есть продукт низменных страстей, и что низменное еще на долгие века составит стержень мира, пока в нем не воцарится тотальный разум и как его производное – «лабораторная любовь».

Вместе с тем с юных лет он противился коду утробного, норовя пусть не выдавить, так приглушить инстинкт ритмичного остервенения, просыпающегося у самца при соитии. И каждый раз он тянулся извлечь лишь начала светлого и щедро расплатиться той «валютой» в запоевнике любви.

В своем постижении тайн плотского, Олег напоминал чудаковатого пассажира, которого паровоз извержения неумолимо тянет к конечной станции через долгие, утомительные перегоны пути, но при достижении цели – не одолеваемого сонливостью вокзала. Напротив, он бодр и полон энергии дарения, но не на перроне банально сбывшейся мечты, а там, в депо, куда его тащит до упора и где у него все только начинается, где играет оркестр – нет, не духовой проводов и расставания, а иной. Оркестр исполняет ноктюрн, до рассвета, до полного самовыражения, пока есть силы шептать, дарить, ласкать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.